

Энтони Троллоп

ОЛЛИНГТОНСКИЙ МАЛЫЙ ДОМ

БАРСЕТШИРСКИЕ ХРОНИКИ

Большой роман (Аттикус)

Энтони Троллоп

**Барсетширские хроники:
Оллингтонский Малый дом**

«Азбука»

1864

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Троллоп Э.

Барсетширские хроники: Оллингтонский Малый дом /
Э. Троллоп — «Азбука», 1864 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-33176-1

Энтони Троллоп – британский классик, современная популярность которого в англоязычном мире может сравниться разве что со славой Джейн Остин («Троллоп убивает меня своим мастерством», – писал в своем дневнике Лев Толстой), а «Барсетширские хроники» заслуженно считаются едва ли не главным его достижением. «Оллингтонский Малый дом» – пятая книга «Хроник». Здесь две героини, дочери бедной вдовы, – одна разумная, другая чувствительная. Немного похоже на роман Джейн Остин? Что ж, сходство не случайно. А вот героя, по собственному признанию автора, в книге нет, вернее, эта роль распределена между несколькими молодыми людьми, в большей или меньшей степени героическими. В одном из них, нескладном мечтательном юнце Джонни Имсе, Троллоп вывел себя тех времен, когда работал мелким клерком на государственной службе и все держали его за полного идиота. Оллингтон довольно далеко отстоит от Барчестера, и герои других «Хроник» встречаются в романе нечасто, однако нескольких знакомых персонажей читатель увидит. Кроме того, тут впервые появится Плантагенет Палисер – герой другого знаменитого троллоповского цикла. Роман печатается с полным комплектом классических иллюстраций знаменитого художника-прерафаэлиты Джона Эверетта Милле, сопровождавших первое издание «Оллингтонского Малого дома» в журнале Cornhill Magazine.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33176-1

© Троллоп Э., 1864

© Азбука, 1864

Содержание

Глава I. Оллингтонский сквайр	7
Глава II. Две жемчужины Оллингтона	12
Глава III. Вдова Дейл	18
Глава IV. Пансион миссис Ропер	25
Глава V. Насчет Л. Д	31
Глава VI. Счастливые дни	37
Глава VII. Начало неприятностей	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Энтони Троллоп

Барсетширские хроники:

Оллингтонский Малый дом

Anthony Trollope
THE SMALL HOUSE AT ALLINGTON

В оформлении обложки использованы фрагменты картин Йозефа Лаврентия Дикманса «Любит – не любит» и Джорджа Гудвина Килбёрна «Наблюдая за охотой»

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Барсетширские хроники

СМОТРИТЕЛЬ
БАРЧЕСТЕРСКИЕ БАШНИ
ДОКТОР ТОРН
ФРАМЛЕЙСКИЙ ПРИХОД
ОЛЛИНГТОНСКИЙ МАЛЫЙ ДОМ

Глава I. Оллингтонский сквайр

Разумеется, в Оллингтоне был Большой дом. Иначе откуда бы взяться Малому? Рассказ наш, как можно заключить из названия, теснее связан с обитателями более смиренного жилища, однако для начала читателю стоит немного узнать о Большом доме и его владельце, с которым мы тоже будем встречаться довольно часто.

Оллингтонские сквайры были сквайрами Оллингтона, сколько в Англии существуют сквайры в нынешнем значении слова. Семейный скипетр Дейлов переходил от отца к сыну, от дяди к племяннику и раз от одного троюродного брата к другому; акры росли в цене и не убывали в числе, хотя их не оберегал майорат и нельзя сказать, что о них пеклись как-то особенно мудро и рачительно. Уже много столетий Дейлы владели всеми землями Оллингтонского прихода, и хотя, как я уже сказал, здешний помещичий род не отличался сверхъестественным благоразумием и, возможно, не руководствовался очень уж строгими жизненными принципами, священного закона он держался так нерушимо, что ни один акр собственности не уплыл из рук правящего сквайра. Изредка делались бесплодные попытки расширить поместье; в частности, их предпринимал Кит Дейл, отец Кристофера Дейла, нынешнего сквайра, с которым мы познакомим читателя, когда будем представлять действующих лиц. Старый Кит Дейл, взявший жену с большим состоянием, скупал прилегающие фермы – немного земли здесь, немного там, – говоря при этом о политическом влиянии и консервативных устоях. Однако эти фермы ушли

к другим владельцам еще до наших дней. На них священный закон не распространялся. Когда старому Киту понадобились деньги для покупки майорского патента в Девятнадцатом драгунском – в этом модном полку его второй сын делал армейскую карьеру, – он решил, что проще пожертвовать частью ферм, чем урезать расходы, ведь продавать он будет свои приобретения, а не наследие Дейлов. С его смертью та же участь постигла и оставшиеся фермы. Требовалось завершить семейные дела, и Кристоферу Дейлу нужны были наличные. Прилегающие фермы ушли, однако старое наследие Дейлов, как всегда, осталось неприкосновенным.

Для оллингтонских сквайров сохранение земельного наследия было религией, и, учитывая, что священный огонь на их алтаре не гас никогда, я напрасно обвинил Дейлов в отсутствии высоких принципов. Новый наследник вступал в права безо всяких обременений, кроме тех, что уже создал себе сам. И притом майората не было. Мысль о майорате не отвечала складу дейловского ума. Их религия требовала, чтобы каждый сквайр имел право расточить оллингтонские акры – и не расточал. Помню, я раз обедал в доме, где благоденствие и величие зависели от сохранности стеклянного кубка. Мы все знаем эту историю. Если «Удача Эденхолла» разобьется, семье придет конец. И тем не менее мне велели выпить из рокового кубка, как и всем гостям в доме. Рыцарственный хозяин не желал хранить свою удачу под замком, в шкатулке с мягкой обивкой. Так было и с оллингтонскими Дейлами. Для них майорат был бы замком и шкатулкой с мягкой обивкой, но старая рыцарственность требовала не прибегать к такой защите.

Я довольно пренебрежительно отозвался о приобретениях и деяниях семейства Дейл. Они и впрямь не отличились ни в том ни в другом. В Оллингтоне сквайр всегда был царь и бог. В Гестуике, ближайшем ярмарочном городке, он был большой человек. По воскресеньям его часто видели на рыночной площади, где он раздавал указания насчет овса и волов людям, знавшим про овес и волов больше него. В Хамершеме, городе, где проходили сессии выездного суда, его в целом уважали как постоянного члена большой коллегии присяжных и человека, который всегда платит по счетам. Однако уже к Хамершему слава Дейлов меркла, ибо они редко бывали заметны, а на заседаниях коллегии не блистали юридическими познаниями. Дальше Хамершема их известность не распространялась.

Они были в целом скроены по одному образцу, каждый наследовал от отца одни и те же пороки и добродетели, каждый жил бы в точности как отец до него, если бы новые порядки не тянули каждого следующего Дейла незримым магнетизмом, так что тот, оставаясь старомодным, все же продвигался чуть дальше родителя. Они были самоуверенны, упрямы, справедливы в меру собственных понятий о справедливости, суровы к арендаторам – но даже сами арендаторы не считали их суровыми, ибо в Оллингтоне одни и те же правила действовали спокон веков, – с женами и детьми властны, но без самодурства, так что ни одна миссис Дейл не сбежала от своего господина и повелителя, а между отцами и сыновьями не случалось громких скандалов, требовательны в денежных вопросах, ибо считали, что получать должны много, а давать мало, но отнюдь не скарены, ибо всегда платили по счетам и жертвовали на церковную и местную благотворительность. Все они были ревностными сторонниками церкви и любезно принимали викариев, присланных из кембриджского Кингс-колледжа, которому принадлежало право назначать священника в Оллингтонский приход, и тем не менее Дейлы всегда вели против своего пастора необъявленную войну, так что отношения между светским семейством и духовным редко бывали дружескими.

Таковы были оллингтонские Дейлы со времен незапамятных, и таким же до последней мелочи был бы нынешний Кристофер Дейл, если бы не два горестных происшествия в его молодости. Первое заключалось в том, что он влюбился в даму, которая упорно ему отказывала, из-за чего остался холостяком. Причиной второго стало предполагаемое состояние его отца. Вступая в наследство, он считал себя богаче прежних оллингтонских Дейлов и потому задумал пройти в парламент. Чтобы добиться этой чести, он позволил людям из Хамершема

и Гестуика увлечь его в сторону от семейной традиции и объявил себя либералом. До участия в выборах дело так и не дошло, однако он выдвигался как либеральный политик и потерпел неудачу, и хотя все вокруг прекрасно знали, что в душе Кристофер Дейл такой же консерватор, как его пращур, политика осталась для него большой темой, а сама история привела к некоторому отчуждению между ним и другими сквайрами по соседству.

В прочих отношениях наш Кристофер Дейл был не хуже и даже лучше среднего предшественника. Тех, кто был ему дорог, он любил всем сердцем. Людей, ему ненавистных, не преследовал сверх того, что допускала справедливость. Прижимистый в мелочах, он, как мы увидим, мог в помощи родным явить незаурядную щедрость. Он старался исполнять свой долг, как его понимал, и сумел избавиться от расточительных привычек, которые завел в молодую пору завышенных надежд. И в своем неразделенном чувстве он был постоянен от начала и до конца. Кристофер Дейл полюбил, как могут иногда любить холодные, черствые, не очень приятные люди, а когда наконец осознал, что не добьется взаимности, не сумел найти в сердце места для другой. Это случилось вскоре после смерти его отца, и он решил утешиться политикой – итог нам известен. Честным, верным и неизменным, отнюдь не лишенным искренности был наш Кристофер Дейл – ограниченным и недалеким, неспособным даже понять, что такое подлинная глубина натуры, исключительно близоруким ко всему, что выше него, но все же достойным уважения за то, что он избрал путь долга и твердо ему следовал. И более того, наш мистер Кристофер Дейл был джентльменом.

Таким внутренним складом отличался оллингтонский сквайр, единственный постоянный обитатель Большого дома. Внешности он был невыразительной, сухопарый, с короткими седыми волосами и густыми седыми бровями, бороду брил, оставляя лишь совсем короткие бакенбарды, нос имел прямой, правильной формы, и подбородок тоже, глаза – цепкие и живые. Однако благородство лица губили тонкие поджатые губы, а лоб, высокий и узкий, хоть и не позволял принять мистера Дейла за тупицу, не давал принять его и за человека богато одаренного. Росту в нем было пять футов десять дюймов; годы его пощадил, так что в свои шестьдесят пять он сохранился очень хорошо. Таков был Кристофер Дейл, эсквайр, владелец оллингтонских акров и обладатель трех тысяч годового дохода, который получал исключительно с земли.

Теперь я расскажу про Большой оллингтонский дом. На самом деле он не так уж велик и не окружен величественным парком из тех, что украшают жилища многих наших старых землевладельцев. Однако сам дом очень красив. Его выстроили при первом Стюарте в стиле, который мы называем тюдоровским. Фасад венчают три острых фронтона, которые, если не ошибаюсь, называются щипцами; между каждыми двумя щипцами вздымается по тонкой и высокой печной трубе. Думаю, красотою дом во многом обязан этим трубам, да еще тесно расположенным двухчастным окнам. Парадный вход под выступающим козырьком заметно смещен относительно середины фасада; когда вы входите, по правую руку от вас одно окно, а по левую – три. Выше тянется ряд из пяти окон – одно расположено над входом. Все мы знаем прекрасные тюдоровские окна с их толстыми каменными средниками и каменными же перекладинами ближе к верхней части. Из всех когда-либо придуманных окон они – самые восхитительные. А в Оллингтоне, думаю, их прелесть еще усиливается неодинаковостью формы. Окно справа от двери и еще одно окно на противоположном краю фасада – широкие, остальные же сделаны безо всякой оглядки на единообразие – здесь широкое окно, здесь высокое, – и в целом получилось как нельзя лучше. Окошки в щипцах – по одному в каждом – поменьше, но тоже со средником, так что весь фасад сохраняет общий стиль.

Дом окружен подстриженным садом, не очень большим, но примечательным своей чрезвычайной аккуратностью, с широкими гравийными дорожками; одна из них, идущая вдоль фасада, заслуживает названия террасы. Впрочем, фасад отстоит от нее достаточно далеко, так что к парадному входу может подъехать карета. Оллингтонские Дейлы всегда были садоводами, так что сад, возможно, славился больше всех их прочих владений. Однако этим претен-

зии на великолепие и ограничиваются. Пастбища вокруг дома – просто милые лужайки, перемежаемые лесом. В Оллингтоне нет парка с оленями; Оллингтонский лес, хоть и знаменит на всю округу, не составляет с домом единого целого. Он лежит в стороне, в целой миле за домом, что, впрочем, не уменьшает его ценности как места для сохранения лис.

Если бы оллингтонские сквайры когда-нибудь задумывались о сельской роскоши, они нашли бы, что дом стоит слишком близко к дороге. Впрочем, со времени строительства древних усадеб наши представления о сельской роскоши, полагаю, значительно изменились. В те давние времена джентльмен возводил свой дом поближе к деревне, беря ее таким образом под свою защиту и покровительство, а также, возможно, заботясь о радостях соседского общения для себя и родных. Сейчас достойным признается лишь одиночество посреди обширного парка. Ни одно крестьянское жилище не должно оскорблять взгляд, разве что это декоративный домик садовника. Деревню, если от нее нельзя избавиться совсем, должны скрывать деревья. Звук церковных колоколов нежелателен, а дорога, по которой свободно разъезжает грубое простонародье, пусть располагается в отдалении. Когда какой-то оллингтонский Дейл строил себе дом, он думал иначе. Вот церковь, вот деревня – и он, довольный таким соседством, обосновался поближе к своему Богу и своим арендаторам.

По пути из Гестуика в деревню вы увидите церковь по левую руку; дом с дороги не разглядеть, но, если пройти в церковную калитку, до которой от дороги не больше двухсот ярдов, вам откроется фасад Большого дома. Лучший вид, наверное, с кладбища. От церкви идет аллея к воротам в имение мистера Дейла. Сторожки здесь нет, и ворота обычно стоят нараспашку. Собственно, они отворены почти всегда, если их не закрывают из-за пасущегося рядом скота. Есть и другие ворота, с выгона в сад перед домом, и еще одни ярдах в тридцати дальше, через которые можно попасть на ферму. Возможно, недостаток Оллингтона – что ферма расположена очень близко к дому. Однако конюшни, сenniки, грязные телеги и медлительный домашний скот скрывает ряд каштанов, и в первые майские дни, когда они в полном цвету, никакие деревья Англии не затмят их красотой. Если бы оллингтонскому Дейлу – нынешнему или любому из прежних – сказали, что его дому недостает леса, он бы с возмущенной гордостью указал на каштаны.

О церкви я расскажу как можно короче. Она из тех, каких в Англии, наверное, тысячи, и все их очень трудно поддерживать в порядке – низкая, невместительная, часто сыроватая, но притом странно живописная и архитектурно гармоничная. Она построена в форме сильно сжатого с боков креста, с отделенной алтарной частью, приземистой башенкой и крытым свинцом колоколообразным шпилем несуразных пропорций. Кто не знает низкую паперть, вертикальное готическое окно и благородную серую колокольню таких церквей? Внутри было пыльно, тесно заставлено уродливыми скамьями с высокими спинками; хоры в конце, где сидели дети и двое престарелых музыкантов дули в свои фаготы, покосились и выглядели так, будто вот-вот рухнут. Кафедра едва не упиралась в потолок, а когда священник стоял за пюпитром для чтения, свисающая бахрама постоянно лезла ему в лицо. Чтец располагался под ним на небольшом возвышении, и в целом все было устроено не лучшим, на мой взгляд, образом. Тем не менее здание выглядело церковью, чего я не сказал бы о многих сооружениях, возведенных во славу Божью на моем веку. Оно выглядело церковью в том числе и потому, что между скамьями посетитель шел по бронзовым табличкам, отмечающим места упокоения усопших Дейлов.

Между церковью и деревней стоял дом викария, а его сад тянулся от кладбища до деревенских задворков. Дом этот, заново выстроенный тридцать лет назад, большой и удобный, делал честь богатому колледжу, отправлявшему в Оллингтон своих питомцев. Несомненно, мы за время пребывания в Оллингтоне будем время от времени заглядывать в жилище священника, но я не вижу нужды расписывать его подробно.

За аллеей к дому священника, церкви и усадьбе дорога ныряет к протекающей через деревню речушке. На спуске вы видите справа гостиницу «Красный лев» и больше ни одного

заметного здания. Ниже, у речушки, стоит почта, которую держит, разумеется, самая сварливая старуха в округе. Дорога пересекает речку по узкому пешеходному мостику, но прежде, чем по нему пройти, вы увидите поперечную улочку, уходящую влево, в ту же сторону, куда вела аллея к дому. Здесь, где поперечная улочка взбирается на холм, стоят лучшие дома в деревне. На ней живут булочник и очень уважаемая женщина, миссис Фруммадж, торгующая лентами, игрушками, мылом, соломенными шляпками и еще множеством всякой всячины. Тут же вы найдете аптекаря, которого уважение этого и соседнего приходов возвело в докторское достоинство. Дальше в самом маленьком, но самом очаровательном домике, какой можно вообразить, живет миссис Хирн, вдова прежнего vicar, и, увы, надо признать, что отношения со сквайром у нее совсем не такие добрососедские, как следовало бы. За скромной обителью вдовы Оллингтон-стрит, как называется дорога на этом отрезке, резко сворачивает к церкви, а на повороте стоит миленькая железная ограда с воротцами. Из них крытый переход ведет к парадной двери расположенного дальше дома. Здесь, в конце главы, я скажу лишь, что это оллингтонский Малый дом. Тут, как я уже упомянул, Оллингтон-стрит поворачивает к церкви и заканчивается белыми воротами на кладбище.

О Большом оллингтонском доме, сквайре и деревне я рассказал все, что следовало. О Малом доме поговорю отдельно в следующей главе.

Глава II. Две жемчужины Оллингтона

– Мистер Кросби – обыкновенный клерк.

Такое ехидное замечание отпустила мисс Лилиан Дейл в разговоре со своей сестрой Изабеллой, и касалось оно джентльмена, с которым на этих страницах мы будем встречаться часто. Я не говорю, что мистер Кросби будет нашим героем, учитывая, что эта роль в драме распределена между несколькими участниками. Какие ни на есть героические свойства будут в значительной степени разбавлены и в очень скромных количествах поделены между двумя-тремя или даже четырьмя молодыми людьми, ни одному из которых не достанется привилегия совершить особые подвиги.

– Не знаю, что для тебя «обыкновенный клерк», Лили. Мистер Фанфарон – обыкновенный барристер, а мистер Бойс – обыкновенный священник.

Мистер Бойс был оллингтонским викарием, а мистер Фанфарон, юрист, приезжал в Оллингтон во время последней судебной сессии.

– Ты с тем же успехом можешь сказать, что лорд Де Гест – обыкновенный граф, – продолжала Белл.

– Так и есть – он обыкновенный граф. Делай он что-нибудь, помимо откармливания бычков, я бы так о нем не говорила. Ты хочешь знать, что такое «обыкновенный клерк»? Это значит, что он мелкий государственный служащий, и тем не менее мистер Кросби задается.

– По-моему, мистер Кросби совсем не то же, что Джон Имс, – сказала Белл. Судя по тону, она не склонна была преуменьшать значение мистера Кросби.

Джон Имс, молодой человек из Гестуика, два года назад получил место в ведомстве подоходного налога с жалованьем восемьдесят фунтов в год.

– То есть Джонни Имс обыкновенный клерк, а мистер Кросби... в конце концов, Белл, кто такой мистер Кросби, если не обыкновенный клерк? Да, он старше Джона Имса, дольше служит и, наверное, получает больше восьмидесяти фунтов в год.

– Мистер Кросби не посвящал меня в такие тонкости. Я знаю, что он в генеральном комитете и, насколько я понимаю, чуть ли не всем там командует. Бернард говорил, у него шесть или семь молодых людей в подчинении... но, разумеется, я не знаю, что он делает на службе.

– Я тебе скажу, Белл, кто такой мистер Кросби. Он – светский лев.

И Лилиан Дейл не ошиблась. Мистер Кросби был светским львом.

Тут мне, наверное, следует объяснить, кто такой Бернард и кто такой мистер Кросби. Капитан Бернард Дейл, офицер Инженерного корпуса, приходился девушкам двоюродным братом, а сквайру – племянником и наследником. Его отец, полковник Дейл, и мать, леди Фанни Дейл, по-прежнему жили в Торки – праздная, болезненная чета, практически умершая для всего мира, за исключением карточных столов Торки. Полковник был тот самый, что сделал себе имя в Девятнадцатом драгунском полку. Этого он достиг, бежав с нищей дочерью обедневшего графа, лорда Де Геста. Других поводов отличиться ему не выпало, и он мало-помалу терял уважение света, завоеванное побегом с леди Фанни; теперь, в пору очков и домашних туфель, они с леди Фанни были известны лишь завсегдатаям торкийских карточных столов. Его старший брат был по-прежнему крепок, совершал променады в башмаках на толстой подошве и часто ездил в седле, однако полковник, которого не связывало с жизнью ничего, кроме титула жены, до срока впал в некое подобие летаргии. Бернард Дейл был единственным сыном полковника и леди Фанни. Из их дочерей некоторые умерли, некоторые вышли замуж, а одна по-прежнему жила с ними меж карточных столов. Бернард в последнее время виделся с родителями не чаще, чем требовали сыновний долг и пятая заповедь. Он тоже делал себя имя, получив офицерский чин в инженерных войсках, где все знали его как графского племянника и

человека, которому завещано имение, дающее три тысячи годовых. Говоря, что Бернард Дейл этим пользовался, я вовсе его не осуждаю. Быть наследником хорошего имения – преимущество столь явное (далеко не только в финансовом смысле), что никто от него не отказывается и не ждет такого от других. Деньги в кармане или в будущем придают осанке и голосу уверенность, очень помогающую в жизни – если человек пользуется ими, но не злоупотребляет. И Бернард Дейл нечасто упоминал своего дядю-графа. Он сознавал это родство и знал, что другим оно известно. Без этого его не приняли бы в «Бофорт» или в самый аристократический из маленьких клубов, «Себрайтс». Когда речь заходила о благородной крови, он умел, не хвастаясь предками, говорить как тот, чье высокое рождение всем известно. Так он использовал свое преимущество, не злоупотребляя им. В избранной сфере жизни Бернард Дейл был столь же удачлив. Усердием, умом – не великим, но цепким – он с некоторой помощью покровителей успешно продвигался по службе и достиг того, что о нем заговорили как о даровитом малом. Среди научных экспериментаторов его считали человеком, который сам пушку или противопушечную броню не изобретет, но разбирается в пушках и честно испытает ту или иную броню, а если и не честно (ибо такого рода люди редко за что-нибудь берутся без предвзятого мнения), то по крайней мере так, что испытания будут выглядеть честными и всех удовлетворят. Таким образом, капитан Дейл служил по большей части на родине, в Лондоне; его не отправляли строить казармы в Новой Шотландии или прокладывать дороги в Пенджабе.

Он был шуплый, ростом пониже дяди, но очень похож на него лицом. У него были те же глаза, нос, подбородок, тот же рот. Зато лоб ему достался получше – не такой высокий и узкий, более выпуклый над бровями. И к тому же он носил усы, что немного прятало тонкость губ. В целом наружность его была скорее привлекательная, и держался он с той уверенностью, которая сама по себе украшает молодого человека.

Сейчас, в чудесные летние дни (еще не миновал июль), Бернард гостил у дяди. С ним приехал ближайший друг, Адольфус Кросби, которого мои читатели могут считать или не считать обыкновенным клерком. Я склонен думать, что Адольфус Кросби не был обыкновенным клерком, и вряд ли кто-нибудь его бы так назвал, даже Лили Дейл, если б не его замашки светского льва. Человек, который становится светским львом в такой мере, чтобы это заметила Лили Дейл, неизбежно перестает быть обыкновенным клерком. Более того, капитан Дейл не стал бы Дамоном Пифию, о котором легко сказать, что тот обыкновенный клерк. Да обыкновенного клерка и не приняли бы в «Бофорт» и «Себрайтс». Доводы против первой оценки Лили Дейл очень сильны, но так же сильны доводы в пользу второй ее оценки. Мистер Кросби, безусловно, был светским львом. Да, он действительно служил клерком в генеральном комитете. Однако генеральный комитет помещается в Уайтхолле, в то время как бедный Джон Имс каждый день вынужден был тащиться из квартиры на Бертон-Кресент далеко за Рассел-сквер, в Сомерсет-хауз, где располагалась его убогая канцелярия. И Адольфус Кросби в ранней молодости успел побывать личным секретарем, а затем быстро дорос до нынешней квазизначительной должности, которая давала ему семьсот фунтов в год и статус наравне со вторыми секретарями и другими подобными служащими, что даже с официальной точки зрения было немаловажно. Однако триумфы Адольфуса Кросби заключались в ином. Не потому, что он близок со вторыми секретарями и располагает в Уайтхолле собственным кабинетом с креслом, позволялось ему стоять у камина в «Себрайтсе» и рассуждать в присутствии богатых людей – богатых и титулованных! Адольфус Кросби не просто тщательно составлял бумаги в генеральном комитете. Он приступил к вратам модного света и взял их штурмом, или, правильнее сказать, вскрыл замок и вошел. Он сумел стать в Лондоне заметным человеком. Обитатель Вест-Энда, не знающий, кто такой Адольфус Кросби, не знал вообще ничего. Не могу утверждать, что он был на дружеской ноге со многими великими людьми, но даже великие люди не чурались Адольфуса Кросби, и его видели в гостиных или по крайней мере на лестницах кабинетных министров.

Лириан Дейл, милая Лили Дейл – ибо я надеюсь, что читатель очень ее полюбит, и предупреждаю, что без этого моя история нисколько его не тронет, – Лириан Дейл распознала в мистере Кросби светского льва. Однако я должен сказать, что мистер Кросби не имел обыкновения держаться надменно и что светский успех не совсем уж его испортил. Нельзя ожидать, что человек, обласканный «Себрайтсом», будет вести себя в оллингтонской гостиной как Джонни Имс, никем, кроме родной матери, не обласканный. И у этого нашего отчасти-героя имелись собственные достоинства помимо светского лоска. Он был высокий, привлекательный, с красивыми глазами и выразительным ртом – из тех, кто обращает на себя внимание везде, где появляется. К тому же Адольфус Кросби умел говорить, и ему было что сказать. Он не был порхающим мотыльком, красивым лишь в лучах модного света. И Кросби имел собственное мнение о политике, о религии, о филантропических тенденциях эпохи, и, составляя это мнение, он кое-что почитывал. Возможно, он бы лучше преуспел в жизни, если бы его не определили так рано на службу в Уайтхолл. Быть может, его дарованиям лучше отвечала бы свободная профессия.

Однако к тому времени судьба Адольфуса Кросби в том, что касается добывания насущного хлеба, была решена, и он смирился с неизбежностью. Ему досталось очень небольшое наследство, что-то около ста фунтов годовых. Кроме этого и жалованья на службе, у него не было ничего, и на такой доход он жил в Лондоне холостяком, наслаждаясь всем, что Лондон может дать человеку с умеренно хорошими средствами, и не мечтал о дорогих удовольствиях – жене, собственном доме или конюшне с лошадьми. Знай Джон Имс, какими благами пользуется Адольфус Кросби, тот показался бы ему сказочным богачом. Его квартира на Маунт-стрит была обставлена со всем изяществом. На три месяца лондонского сезона он брал в аренду очень хорошую лошадь. Он всегда был прекрасно одет и никогда не выглядел разряженным. В своих клубах он держался на равных с людьми, получавшими вдесятеро больший доход. И мистер Кросби был холост. Он знал, что не может жениться на бесприданнице, и не хотел жениться ради денег, поэтому отказался от мысли о семейном счастье. Однако... впрочем, не будем сейчас излишне глубоко вдаваться в личную жизнь и обстоятельства нашего нового друга Адольфуса Кросби.

После того как Лириан вынесла ему приговор, девушки некоторое время молчали. Белл, возможно, немного сердилась на сестру. Не так часто она позволяла себе похвалить какого-нибудь джентльмена, и тут, стоило ей сказать о мистере Кросби доброе слово, Лили упрекнула ее в чрезмерной восторженности. Лили что-то рисовала и на минуту-две совершенно позабыла о мистере Кросби, однако Белл чувствовала себя обиженной и вынудила ее вернуться к разговору.

– Мне не нравятся такие выражения, Лили.

– Какие?

– Как ты сейчас называла Бернардова друга.

– А, светский лев. Мне нравятся такие словечки. Если бы я не боялась за твои нервы, то назвала бы его сногшибательным. Очень скучно пользоваться только словами из словаря.

– Я считаю, неделикатно говорить так про джентльмена.

– Правда? Что ж, я бы хотела быть деликатной – если бы знала как.

Если бы знала! Девушке это дается не знанием. Если природа и матушка не вложили в нее деликатности, надеяться ей не на что. Впрочем, на мой взгляд, тут и матушка, и природа потрудились над мисс Лириан Дейл вполне успешно.

– Мистер Кросби по крайней мере джентльмен и умеет быть любезным. Вот все, что я хотела сказать. Маменька говорила про него гораздо больше меня.

– Мистер Кросби – Аполлон, а я всегда считала Аполлона самым... не буду говорить этого слова, поскольку Аполлон был джентльменом.

В тот самый миг, когда она произносила имя греческого бога, из сада вошел Бернард, а за ним – мистер Кросби.

– Кто говорит про Аполлона? – спросил капитан Дейл.

Обе девушки онемели. Что, если мистер Кросби тоже услышал последние слова бедной Лили? Вот итог безрассудства, в котором Белл вечно упрекала сестру! Однако на самом деле Бернард услышал только слово «Аполлон», а мистер Кросби, вошедший за ним, не слышал вообще ничего.

– «Мелодичней и сладостней, чем лютия Аполлона, чьи струны – волосы с его главы», – продекламировал мистер Кросби, ничего не имея в виду своей цитатой, но видя, что девушки отчего-то смутились и притихли.

– Какую же дурную музыку она производила, – заметила Лили, – если только его волосы разительно не отличались от наших.

– Это были солнечные лучи, – предположил Бернард.

Однако к тому времени Аполлон уже выполнил свою роль, и девушки приветствовали гостей как положено.

– Маменька в саду, – проговорила Белл с тем лицемерным притворством, которое так часто напускают на себя молоденькие девушки при визите молодых джентльменов – они всегда как будто убеждены, что гостям нужна именно маменька.

– В чепце от солнца, собирает зеленый горошек, – добавила Лили.

– Давайте ей поможем, – предложил мистер Кросби, и все высыпали в сад.

Сады Большого и Малого домов соединяются. Вернее, их разделяют живая лавровая изгородь, широкая канава и железная решетка с острыми наконечниками, но через канаву перекинут пешеходный мостик с незапирающейся калиткой, так что из одного сада всегда можно попасть в другой. И сад Малого дома очень красив. Сам Малый дом стоит совсем близко к дороге, так что между окнами столовой и оградой помещается лишь узкая полоска цветника и дорожка из круглых камешков, фута два шириной, по которой никто, кроме садовника, не ходит. От дороги до дома всего футов пять-шесть, и от ворот к парадной двери ведет крытая галерея. Однако сад с задней стороны дома, куда выходят окна гостиной, в любое время года остается таким уединенным, будто и нет ни деревушки Оллингтон, ни дороги в церковь за ста ярдами лужайки. Церковный шпиль, правда, с лужайки видно за тисами в углу кладбища, примыкающего к ограде миссис Дейл. Впрочем, никто из Дейлов никогда не возражал против вида церковного шпиля. Чем Малый дом по праву может гордиться, так это своими газонами, ровными, гладкими и настолько похожими на бархат, насколько это возможно для стриженной травы. Лили Дейл, гордясь своей лужайкой, часто заявляла, что перед Большим домом невозможно играть в крокет. Трава там, говорила она, растет пучками, и что бы Хопкинс, садовник, ни делал, там так и останутся кочки. Однако на лужайке Малого дома кочек нет. И поскольку сквайр никогда особенно крокет не любил, воротца и молотки перекочевали в Малый дом, где эта игра сделалась непрременной забавой.

Раз уж я заговорил про сады, упомяну и оранжерею миссис Дейл. Белл твердо считала, что в Большом доме ничто с ней не сравнится – «в том, что касается цветов», поправлялась она, – ибо Большой дом славился своим тепличным виноградом. В этом вопросе сквайр был не так терпим, как в случае крокета, и говорил племяннице, что она ничего не понимает в цветах. «Быть может, и не понимаю, дядя Кристофер, – отвечала она, – и все равно наши герани нравятся мне больше». Ибо в мисс Дейл была толика упрямства – как, впрочем, и во всех Дейлах, независимо от пола и возраста.

Пожалуй, стоит также объяснить, что о газоне и оранжерее, да, собственно, и обо всем саде Малого дома заботился Хопкинс, главный садовник Большого дома, по той причине, что миссис Дейл держать садовника было не по средствам. Единственным слугой-мужчиной у трех дам был паренек, который за десять шиллингов в неделю копал землю, точил ножи и чистил

обувь. Однако у Хопкинса, главного оллингтонского садовника, были помощники, и он пекся о лужайке и оранжерее более скромного жилища не меньше, чем о виноградной теплице, персиковых деревьях и террасах главной усадьбы. Малый дом вместе со всей обстановкой принадлежал его хозяину, с чьего разрешения миссис Дейл там жила, не платя за аренду. Хопкинс не жаловал миссис Дейл, считая, что обязан верностью лишь Дейлам по рождению. Обоих барышень садовник любил, хотя по временам нещадно третировал. С миссис Дейл он был холодно вежлив и все ее сколько-нибудь серьезные указания по поводу сада перепроверял у сквайра.

Все это поможет понять, на каких условиях миссис Дейл жила в Малом доме, что так или иначе требовалось разъяснить. Ее муж был младшим из трех братьев и во многих отношениях самым талантливым. Молодые годы его прошли в Лондоне, где он успешно подвизался в качестве землемера и так хорошо себя зарекомендовал, что его взяли на государственную службу. Года три-четыре он получал большое жалованье, но скоропостижно умер, так и не достигнув открывавшихся перед ним блестящих возможностей. Это случилось лет за пятнадцать до начала нашей истории, так что девушки отца почти не помнили. Первые пять лет вдовства миссис Дейл, которую сквайр всегда недолюбливал, жила с двумя маленькими дочерьми на очень скромные средства. Малый дом тогда занимала старая миссис Дейл, мать сквайра. Когда же старая миссис Дейл умерла, сквайр предложил невестке бесплатно жить в Малом доме, упомянув, что жизнь в Оллингтоне даст ее дочерям значительные общественные преимущества. Она согласилась, и общественные преимущества, безусловно, воспоследовали. Миссис Дейл была бедна, весь ее годовой доход не превышал трехсот фунтов, и потому сама она вынужденно жила очень экономно, однако она видела, что ее девочек соседи приняли и полюбили и что они имеют почти такой же общественный статус, как если бы приходились сквайру дочерьми. А раз так, ей было не важно, любит ли ее деверь и уважает ли Хопкинс. Собственные девочки любили ее и уважали, а больше она почти ничего от жизни не требовала.

И дядя Кристофер был в своей упрямой и несколько нелюбезной манере очень добр к девочкам. В конюшне Большого дома имелись две лошадки, на которых им разрешали кататься и на которых за редкими исключениями никто больше не ездил. Я думаю, он мог бы подарить племянницам лошадок, но он полагал иначе. И он участвовал в заботе об их нарядах, присылая время от времени то, что считал нужным. Денег он им не давал и никаких обещаний тоже. Однако они были члены семьи, и он их любил, а для Кристофера Дейла полюбить раз значило полюбить навсегда. Особенно он привязался к Белл – она и Бернард были всего ближе его сердцу. Насчет этих двоих у него имелся план – он хотел, чтобы Белл стала будущей хозяйкой Большого оллингтонского дома. Миссис Дейл, впрочем, об этом плане еще ничего не ведала и даже не догадывалась.

Теперь, думаю, мы можем вернуться к нашим друзьям, когда те вышли на лужайку. Они шли к миссис Дейл собирать горох, однако забава помешала делу и молодые люди, позабыв о трудах старшей дамы, позволили себе отвлечься на крокет. Воротца и колышки уже стояли, шары и молотки лежали рядом. Да и компания собралась так удачно.

– Я еще не играл в крокет, – заметил мистер Кросби. (Поскольку он приехал лишь накануне перед обедом, нельзя сказать, что ему долго пришлось скучать без крокета.)

И в следующую минуту все уже держали в руках молотки.

– Мы, разумеется, будем играть пара на пару, – сказала Лили. – Я играю с Бернардом.

Однако этого не допустили. Лили была признанной королевой крокетной лужайки, а Бернард играл лучше друга, так что Лили пришлось взять в партнеры мистера Кросби. «Аполлон не попадает в воротца, – сказала она позже сестре, – но как же изящно он промахивается!» Впрочем, сложилось так, что мистер Кросби еще до отъезда из Оллингтона смог взять реванш, и Лили, хоть и осталась королевой крокетной лужайки, вынуждена была признать мужское превосходство в этой области.

– Мы не так играли в... – начал Кросби в какой-то момент игры и тут же прикусил язык.

– Где? – спросил Бернард.

– Там, где я был прошлым летом... в Шропшире.

– Значит, там неправильно играют, где вы были прошлым летом... в Шропшире, – заметила Лили.

– Вы хотите сказать, у леди Хартлтоп, – сказал Бернард.

Маркиза Хартлтоп была очень большая дама, предводительница модного света.

– Ах! У леди Хартлтоп! – воскликнула Лили. – Коли так, мы сдаемся.

От мистера Кросби не ускользнул легкий сарказм, который он занес в скрижали своего ума как совершенно незаслуженный. Мистер Кросби намеревался избегать любых упоминаний леди Хартлтоп с ее крокетной лужайкой и не сказал бы о ней, если б его не вынудили. И все равно Лили Дейл ему нравилась. Правда, Белл нравилась больше, хотя и говорила мало. Ибо в семье красавицей была Белл.

Во время игры Бернард вспомнил, что они пришли звать трех дам на обед в усадьбу. Они обедали там накануне, и дядюшка распорядился, чтобы сегодня они пришли снова.

– Я пойду спрошу маменьку, – сказала Белл, которая первая вышла из игры.

Вскоре она вернулась со словами, что ей и сестре велено слушать дядюшку, но маменька предпочтет остаться дома одна.

– Кто-то же должен съесть горошек, – заметила Лили.

– Отправьте его в Большой дом, – предложил Бернард.

– Хопкинс не позволит, – возразила Лили. – Он говорит, это непорядок. Хопкинс любит порядок.

И когда игра закончилась, они неспешно двинулись из маленького сада в большой, мимо кустов, в поля, где заканчивался сенокос. И Лили взяла грабли и две минуты гребла сено, а мистеру Кросби, который попытался вилами закинуть его на телегу, пришлось заплатить полкроны за вступление в братство косцов, а Белл, чтобы уберечь лицо от загара, тихонько сидела под деревом. Мистер Кросби, обнаружив, что работать вилами ему не по душе, возлег под тем же деревом, совершенно на манер Аполлона, как вечером сказала Лили своей матушке. Потом Бернард, явив немислимую для него игривость, завалил Лили сеном, а Лили, пытаясь отплатить ему тем же, завалила сеном мистера Кросби – нечаянно.

– О Лили! – воскликнула Белл.

– Прошу меня извинить, мистер Кросби. Это все Бернард виноват. Бернард, я никогда больше не пойду с тобой на луг, когда там косят.

Так они дурачились очень по-свойски, а Белл тихонько сидела под деревом и слушала мистера Кросби в те редкие мгновения, когда он открывал рот. Бывает время, когда в веселой компании слова почти не нужны. Белл держалась менее задорно, чем ее сестра Лили, и час спустя, переодеваясь к обеду, сказала себе, что все было очень хорошо, хотя мистер Кросби и говорил совсем мало.

Глава III. Вдова Дейл

Поскольку миссис Дейл из Малого дома не была урожденной Дейл, нет надобности упоминать, что фамильные особенности в ее характере отсутствовали. В ее дочерях, которые, возможно, взяли больше от матери, чем от отца, особенности эти были не слишком заметны, однако внимательный наблюдатель различил бы в них дейловские черты. Обе девушки были верны и неизменны, быть может, упрямы, иногда чуточку немилосердны в суждениях о людях и склонны гордиться принадлежностью к Дейлам, хотя и не склонны много об этом говорить. Однако была в них и другая гордость, более благородная, и ее они получили от матери.

Миссис Дейл, безусловно, была женщина гордая. Не то чтобы она гордилась чем-то, относящимся до нее самой. По рождению она стояла гораздо ниже мужа, учитывая, что дед ее был практически никто. Для своего общественного слоя состоянием она располагала довольно значительным и сейчас жила в основном на доходы с него, однако оно не давало оснований гордиться богатством. И миссис Дейл в молодости была красавицей. На мой взгляд, она и сейчас оставалась очень миловидной, но в этом фазисе жизни она, уже пятнадцать лет как вдова, с двумя ныне уже взрослыми дочерьми, не гордилась своей красотой, как не гордилась сознательно тем, что она леди. Миссис Дейл была леди с головы до пят, по уму, по сердцу, по образу мыслей, по воспитанию и по натуре – и даже по рождению, – несмотря на деда, которого я упомянул – *meo periculo*¹. И сквайр, хотя не питал к невестке особой любви, признавал это и во всех смыслах обходился с нею как с равной.

Однако нынешние жизненные обстоятельства требовали от нее быть либо очень гордой, либо раболепной. Миссис Дейл была бедна, и все же ее дочери заняли положение, на какое обычно могут претендовать лишь дочери богачей. Заняли они его как племянницы бездетного оллингтонского сквайра и, на взгляд матери, могли принимать дядюшкину доброту без ущерба для самоуважения – как ее, так и собственного. Она нарушила бы материнский долг, если бы из гордости лишила их тех преимуществ, которые мог дать им дядюшка. Ради них она согласилась жить в Малом доме и пользоваться многими благами, принадлежащими ее деверю, однако для себя она не приняла ничего. Сквайр не одобрил выбор своего младшего брата, Филипа Дейла, и при жизни Филипа явственно показывал, что не смягчится к невестке никогда. Он и не смягчился. Хотя деверь и невестка много лет прожили в тесном соседстве, можно сказать, почти что одной семьей, отношения их оставались прохладными. Между ними не прозвучало ни одного резкого слова. Они очень часто виделись. Сквайр мало-помалу проникся к вдове младшего брата самым глубоким уважением. Вдова мысленно признавала, что сквайр искренне любит ее дочерей. Однако они никогда не беседовали по-дружески. Миссис Дейл ни разу не обмолвилась сквайру о своих денежных делах, а сквайр не делился с нею планами касательно ее дочерей. Так они жили в Оллингтоне раньше и так жили сейчас.

Жизнь эта давалась миссис Дейл нелегко и требовала от нее мучительных усилий. Она считала, что ради счастья девочек должна похоронить себя заживо, поэтому никогда не жаловалась и не показывала в их присутствии, что чем-то недовольна. Они не были бы счастливы, если бы понимали, что мать чем-то для них жертвует. Дочери должны были думать, что она в чепце от солнца собирает зеленый горошек или подолгу читает у камина и проводит часы в одиноких раздумьях исключительно по складу характера. «Маменька не любит ходить в гости». «Думаю, маменьке хорошо только у себя в гостиной». Я не говорю, что девушек учили так говорить, но им внушали мысли, которые вели к таким словам. И поначалу они действительно так думали. Однако сперва одна, а затем и вторая поняли, что это не так и что мать страдает ради них.

¹ На свой страх и риск (*лат.*).

На самом деле миссис Дейл могла бы оставаться так же молода душой, как и они. Она тоже могла бы играть в крокет, игриво сгребать сено, кататься верхом и внимать тому или иному Аполлону, если бы считала это уместным. Сорокалетние женщины, даже вдовы, не превращаются в нелюдимых старух или суровых моралисток, отвергающих любые удовольствия. Некоторые считают, что именно такими они должны быть в эту пору жизни. Признаюсь, я так не думаю. На мой взгляд, женщины, да и мужчины тоже, должны оставаться молодыми, сколько сумеют. Не то чтобы женщине следует хотя бы на год преуменьшать свой возраст в сравнении с тем, что записано в семейной Библии ее отца. Если ей сорок, пусть говорит, что ей сорок, но если она молода сердцем, пусть так себя и ведет.

Думаю, миссис Дейл поступила неправильно. Я бы посоветовал ей присоединиться к игрокам в крокет, а не оставаться среди грядок с горошком. Грядки эти отделялись от лужайки лишь невысокой стеной и редкими кустами, так что миссис Дейл слышала каждое слово четверки игроков. Она слушала не из подозрительности, а от любви. Звонкий, словно колокольчик, голосок Лили ласкал ее слух, как музыка богов. Миссис Дейл слышала про леди Хартлтоп и вздрогнула от ехидства Лили. А когда Лили сказала, что маменька останется дома есть горошек, с печалью подумала, что таков ее удел.

«Милая моя девочка! Все правильно!» – сказала она себе и, когда услышала, что они прошли по мостику в сад Большого дома, вернулась в дом с корзинкой горошка и села на порожек в гостиной, глядя на весенние цветы и ровную лужайку.

Разве ей не следует благодарить Бога за этот дом? Разве ее межи прошли не по прекрасным местам? Разве она не счастлива в своих девочках – в своих ласковых, добрых, любящих дочках? Коли уж так вышло, что муж, лучшая ее половина, так рано у нее отнят и всем беспечным радостям пришел конец, разве не утешительно, что ее горькое вдовство скрашено житейским благополучием? Так уговаривала себя миссис Дейл и все же понимала, что несчастлива. Она часто мысленно повторяла, что решила оставить младенческое, и теперь горевала о том, от чего отказалась. Со своего места она по-прежнему слышала голосок Лили – слышала даже тогда, когда ничье ухо, кроме материнского, его бы не различило. Сейчас, когда в Большом доме гостят молодые люди, ее дочкам естественно быть там же. Сквайр не пригласил бы молодых людей, не будь за его столом дамского общества. Она же... Миссис Дейл знала, что никому там не нужна. Изредка ей следует туда ходить, чтобы ее отсутствие не выглядело демонстративным. Однако других оснований присоединиться к обществу в Большом доме у нее нет; это не доставит удовольствия ни ей, ни кому-либо еще. Пусть дочери сидят за столом ее деверя и пьют из его чаши. Их зовут от чистого сердца. Она не будет желанной гостьей в Большом доме – как и ни в одном другом доме, ни за одним столом!

«Маменька останется дома есть горошек».

Миссис Дейл сидела, подперев голову рукой, и повторяла про себя слова Лили.

– Мэм, извините, кухарка спрашивает, можно нам забрать горошек и полущить?

Голос служанки вывел ее из задумчивости. Миссис Дейл встала и отдала девушке корзинку.

– Кухарка знает, что барышни обедают в Большом доме?

– Да, мэм.

– Для меня готовить не нужно. Я пораньше выпью чаю.

Так что миссис Дейл не выполнила назначенную ей обязанность.

Однако она вскоре взялась за другое дело. Если семья из трех человек живет на триста фунтов в год и тем не менее хоть как-то вращается в обществе, приходится очень тщательно думать о множестве мелочей, даже если вся эта семья состоит из дам. Миссис Дейл прекрасно об этом знала. Поскольку ей хотелось, чтобы ее дочери всегда были чистенькие и хорошо одетые, ей приходилось много часов посвящать заботам об их туалетах. Сквайр зимой присылал теплые шали, и подарил девочкам по амазонке, и заказал им в Лондоне коричневый шелк на платья – такой маленький отрез, что сшить из него два платья оказалось за пределами женского искусства, и коричневый шелк оставался затруднением до сего дня, ибо память у сквайра была хорошая и он желал видеть плоды своей щедрости. Разумеется, помощь его была не лишней, но если бы сквайр давал племянницам те деньги, которые на них тратил, пользы было бы куда больше. Так или иначе, девушки всегда были милы и опрятны; они и сами не бездельничали, но главной их камеристкой была матушка. Сейчас она поднялась в их комнату, достала муслиновые платья и... но, возможно, такого мне рассказывать нельзя! Миссис Дейл, впрочем, не стыдилась своей работы. Она велела принести горячий утюг и собственными руками разгладила все складочки, расправила рюши, пришила новые ленточки на место оторвавшихся – проследила, чтобы все было как следует. Мужчины и не думают, сколько такого труда уходит, чтобы порадовать их глаз, пусть даже на короткое время.

– Ах, маменька, какая ты добрая! – воскликнула Белл, когда девушки вошли в комнату – у них только-только оставалось время переодеться к обеду.

– Она всегда добрая, – сказала Лили. – Хотела бы я, маменька, чаще делать такое для тебя.

И она поцеловала мать. Однако сквайр всегда требовал от гостей пунктуальности, поэтому девушки торопливо переоделись и снова вышли в сад. Мать проводила их до мостика.

– Ваш дядя ведь не обиделся, что я не приду? – спросила миссис Дейл.

– Мы его не видели, – ответила Лили. – Мы зашли в поля и совершенно забыли, который час.

– Думаю, дядя Кристофер не выходил на прогулку, иначе бы мы его встретили, – очень мягко добавила Белл. Говоря, она держала мать за руку.

– Что ж, до свиданья, милые. Я буду ждать вас между десятью и одиннадцатью. Но если вы и засидитесь, ничего страшного.

Они ушли, а вдова снова осталась одна. Дорожка от моста вела прямо к задней части Большого дома, так что минутой или две миссис Дейл видела, как девочки почти бегут к усадьбе. Потом их платья мелькнули на повороте к террасе. Миссис Дейл не могла пройти дальше лавровой изгороди – иначе кто-нибудь мог заметить, что она смотрит вслед девочкам, – но когда исчез последний промельк розового муслина, ей стало горько, что нельзя за ними пойти. Тем не менее миссис Дейл стояла, не двигаясь с места. У Хопкинса не будет повода говорить, что она следила за дочками, когда те шли в дом ее деверя. Хопкинсу не понять, отчего она за ними следила.

– Вы чуть не опоздали. Я думал, ваша матушка придет с вами, – сказал дядя Кристофер.

Это было в его характере. Знай сквайр собственные чувства, он бы признался себе, что предпочитает не видеть миссис Дейл за своим столом. Без нее он в большей мере чувствовал себя безраздельным хозяином. Однако, если она не приходила, он часто выражал огорчение и сам верил, что огорчается.

– Мне кажется, маменька устала, – сказала Белл.

– Хм. От одного дома до другого не так уж далеко. Если бы я сидел взаперти всякий раз, как устану... Впрочем, не важно. Идемте за стол. Мистер Кросби, вы поведете мою племянницу Лилиан.

И, подав руку Белл, сквайр пошел в столовую.

– Если он еще будет ругать маменьку, я уйду, – сказала Лили спутнику, из чего можно заключить, что за долгий день вместе они все и впрямь очень сблизилась.

Миссис Дейл, немного постояв на мостике, пошла домой. Чем именно она заменила жареную утку с зеленым горошком, которые приготовили бы на обед, будь девочки дома, мы выяснять не станем, однако легко догадаемся, что съедено это было без особого аппетита. Она взяла за стол книгу – роман, скорее всего, ибо миссис Дейл не брезговала романами, – и, отпивая чай, прочитала страницу-две. Однако книга скоро была отложена, поднос, на котором остывала подогретая тарелка, – забыт, и миссис Дейл откинулась в привычном кресле, думая о себе, о своих девочках и воображая, как бы ей жилось, будь жив тот, кого она всем сердцем любила в их недолгие годы вместе.

Все Дейлы были неизменны в своих привязанностях и антипатиях. Муж любил ее беззаветно, любил так сильно, что поссорился с братом, не желавшим поддерживать родственные отношения с его женой; тем не менее братья были очень друг к другу привязаны. Много лет уткло с той поры, однако чувства остались прежними. Переехав в Оллингтон, миссис Дейл намеревалась завоевать расположение сквайра, но давно поняла, что он не смягчится, и даже больше этого не желала. Она не принадлежала к тем мягкосердечным женщинам, которые порой благодарят Бога за то, что могут любить всех. Когда-то миссис Дейл могла бы стать деверю заботливой сестрой – теперь не могла. Он сразу повел себя с ней холодно и упорно отвергал любые ее попытки завязать дружбу. С тех пор прошло семь лет, и все эти годы миссис Дейл держалась со сквайром так же холодно, как и он с ней.

Однако сносить это было очень тяжело. Девочкам любить дядюшку было не только естественно, но во всех смыслах желательно. С ними он холоден не был. Им он выказывал ласку и щедрость. Не будь ее, он взял бы обеих в дом и все бы смотрели на них как на его приемных дочерей. Разве ей не лучше было бы устраниваться?

Лишь в минуты сильнейшего душевного упадка задавала она себе этот вопрос и тут же с негодованием корила себя за слабость. Не годится ей жить вдали от девочек; не годилось бы, даже будь их дядя вдвое добрее, даже если бы так они стали наследницами Оллингтона. Разве не главное для них – чтобы мать была рядом? И, задавая себе этот ужасный вопрос (нарочно себя им мучая, мысленно говорила миссис Дейл), разве она не знает, что дочерям их мать дороже всего на свете и они не променяли бы ее заботу и ласку на опеку дядюшки, как бы роскошен ни был его дом? Сейчас мать дороже им всего на свете. К другим любовям, если те случатся, она ревновать не будет. Если они полюбят, и полюбят счастливо, возможно, вечер ее жизни еще будет согрет теплом. Если они выйдут замуж и мужья их примут ее любовь, уважение и дружбу, она, возможно, еще сбежит от могильной холодности Большого дома и будет счастлива в каком-нибудь скромном сельском домишке, из которого сможет иногда выбираться к тем, кто ей действительно рад. Неподалеку от Оллингтона, в Гестуике, жил некий врач, про которого миссис Дейл когда-то думала, что он сможет стать ее дорогим зятем. Ее тихой красавице Белл он вроде бы нравился, а сам врач определенно проявлял к Белл более чем просто интерес. Однако уже некоторое время назад эта надежда, или, вернее сказать, эта мысль, сошла на нет. Миссис Дейл ни о чем у дочери не допытывалась; она была не склонна к таким расспросам. И тем не менее в последние месяц-два она с огорчением видела, что Белл почти холодно смотрит на человека, который пришелся по душе ее матери.

За этими раздумьями прошел долгий вечер. В одиннадцать миссис Дейл услышала приближающиеся шаги. Молодые люди, разумеется, проводили девушек, и мать, выйдя в по-прежнему открытую стеклянную дверь гостиной, увидела их всех на лужайке.

– Вот и маменька, – сказала Лили. – Маменька, мистер Кросби хочет играть в крокет при луне.

– Мне кажется, слишком темно, – заметила миссис Дейл.

– Ему света хватит, ибо он играет совершенно независимо от воротец, – возразила Лили. – Ведь правда же, мистер Кросби?

– Я бы сказал, что для крокета достаточно светло, – ответил мистер Кросби, глядя на яркую луну. – И потом, так глупо ложиться спать.

– Да, ложиться спать глупо, – сказала Лили, – но в сельской местности люди глупые. Бильярд, в который можно играть при газовом свете, куда лучше, не так ли?

– Здесь, мисс Дейл, ваша стрела пролетела мимо цели, ибо я никогда не беру в руки кий. Про бильярд вам следует говорить с вашим кузеном.

– Бернارد – великий игрок в бильярд? – спросила Белл.

– Я поигрываю иногда, немногим лучше, чем Кросби в крокет. Идемте домой, Кросби, выкурим по сигаре.

– Да, и тогда мы, глупые, сможем лечь в постель. Маменька, тебе надо было тут завести для нас курительную. Не люблю считаться глупой, – сказала Лили.

И они разошлись: дамы – к себе, молодые люди – в сторону Большого дома.

– Лили, милая, – сказала миссис Дейл, когда дочери зашли с нею в ее спальню, – мне кажется, ты излишне сурова к мистеру Кросби.

– Она поддевала его весь вечер, – заметила Белл.

– Я уверена, мы очень хорошие друзья, – сказала Лили.

– О да! – воскликнула Белл.

– Ты ревнуешь, Белл, и сама знаешь, что это так. – Тут Лили, увидев, что немного досадовала сестру, подошла и поцеловала ее. – Мне не следовало говорить, что она ревнует, правда, маменька?

– Мне кажется, Белл этого не заслужила, – ответила миссис Дейл.

– Вы же не хотите сказать, будто приняли мои слова всерьез. Как будто мне есть хоть какое-то дело до мистера Кросби.

– Или мне, Лили.

– Конечно, тебе до него дела нет. Однако я, маменька, от него без ума. Он такой очаровательный Аполлон. Я буду всегда называть его Аполлон, Аполлон Феб! А когда я нарисую его портрет, у него вместо лука будет в руке крокетный молоток. Право слово, я чрезвычайно обязана Бернardu, что тот привез мистера Кросби, и мне очень жаль, что послезавтра он уезжает.

– Послезавтра! – повторила миссис Дейл. – На два дня и приезжать-то не стоило.

– Да, не стоило нарушать нашу тихую жизнь, чтобы тут же умчаться прочь, – сказала Лили.

– Но он сказал, что, быть может, приедет еще, – сообщила Белл.

– Да, у нас еще есть надежда, – сказала Лили. – Дядя Кристофер просил его приехать в длинный отпуск. Сейчас у него всего лишь короткий отпуск. Ему лучше, чем бедному Джонни Имсу. Джонни Имса отпускают всего на месяц, а мистер Кросби может взять два месяца, когда пожелает, да и вообще круглый год почти что сам себе хозяин.

– А еще дядя Кристофер пригласил его поохотиться в сентябре, – добавила Белл.

– И хотя он не ответил, что приедет, я думаю, он собирается, – сказала Лили. – Для нас еще надежда, маменька.

– В таком случае Аполлона надо заманивать ружьем, а не крокетным молотком.

– В том-то и беда, маменька. Мы почти не будем его видеть, да и Бернарда тоже. Они же не возьмут нас в лес загонщиками?

– От тебя было бы чересчур много шума.

– Ты так считаешь? Я думала, загонщики должны криками поднимать птиц. Я бы очень устала кричать на птиц, так что, думаю, лучше я останусь дома заниматься моими платьями.

– Надеюсь, мистер Кросби приедет снова, потому что дяде Кристоферу он очень понравился, – сказала Белл.

– Интересно, понравится ли некоему джентльмену из Гестуика его приезд, – сказала Лили и тут же, взглянув на сестру, поняла, что той эти слова неприятны.

– Лили, у тебя слишком длинный язык, – одернула ее миссис Дейл.

– Я ничего не хотела сказать, Белл. Прости меня, пожалуйста.

– Пустяки, – ответила Белл. – Просто Лили говорит не думая.

На этом беседа окончилась, так что дальше они лишь обменивались редкими словами по ходу переодевания, да еще на прощанье пожелали друг другу спокойной ночи. Однако девушки спали в одной комнате, и, едва ее дверь за ними затворилась, Белл в сердцах произнесла:

– Лили, ты обещала больше не говорить со мной про доктора Крофтса.

– Да, я знаю и очень виновата. Прости меня, Белл, я постараюсь, чтобы больше такого не было.

– Постарайся!

– Но я честно не понимаю, отчего мне нельзя о нем говорить – если только я тебя не поддраживаю. Я не знаю ни одного мужчины приятнее. И только потому, что я люблю тебя больше, чем себя, я не завидую, что он...

– Лили, что ты мне минуту назад пообещала?

– Хорошо, с завтрашнего дня не буду. И я не понимаю, отчего ты против него.

– Я никогда не была ни за, ни против него.

– Только подумай! Он отдаст левую руку за то, чтобы ты ему улыбнулась. Даже и правую, и это то, что я хотела бы видеть. Теперь я сказала все.

– Ты сама знаешь, что мелешь вздор.

– Этого хотела бы я, и маменька, я уверена, тоже, хотя она ни разу слова о нем не сказала. По-моему, он лучший из всех, кого я знаю. Что мистер Аполлон Кросби в сравнении с ним? А теперь, если тебя это огорчает, я больше не буду о нем говорить.

Так как Белл пожелала сестре доброй ночи с более чем обычной нежностью, можно заключить, что пылкие слова Лили, несмотря на просьбу молчать о докторе Крофтсе, были ей приятны. И Лили прекрасно знала, что это так.

Глава IV. Пансион миссис Ропер

Я сказал, что Джон Имс был никем не обласкан, кроме собственной матери, но отсюда не следует делать вывод, будто у Джона Имса не было друзей. Есть категория молодых людей, которыми окружающие не восторгаются, и тем не менее их могут уважать и даже любить. Они не предстают миру лучезарными Аполлонами, быть может приберегая свой свет для внутреннего употребления. Такие молодые люди часто неуклюжи, путаются в руках и ногах; они застенчивы и обыкновенно запинаются, говоря с кем угодно, кроме ближайших знакомых. Быть в обществе для них мука, любое появление на публике их пугает. Они много времени проводят в одиночестве и краснеют, когда к ним обращается женщина. По правде сказать, они еще не совсем мужчины, сколько бы им ни было лет, и, так как они уже не мальчишки, их презрительно именуют зелеными юнцами.

Впрочем, из своих наблюдений я вывел, что зеленые юнцы – вовсе не худшая часть человечества. Сравнивая зеленого юнца двадцати одного – двадцати двух лет с его сверстником Аполлоном, я вижу в них недозрелый и спелый плод. Какой из плодов лучше – тот, что созрел рано, быть может, благодаря искусственным ухищрениям или хотя бы теплу у южной стены, или тот, что наливается соком медленно, безо всяких затей, в те часы, когда его озаряет солнце, а то и вовсе в тени, если ему так не повезло? Общество, без сомнения, предпочтет искусствен-

ные ухищрения или южную стену. Плод будет готов в положенный срок – без единого пятнышка, ровный и вполне съедобный. Владелец сада получит его в желаемое время, все будут довольны. И все равно я считаю, что настоящей сладостью солнце питает другой плод, который грело не спеша. Я люблю аромат естественности; плоды, чье созревание ускорили, кажутся мне безвкусными.

Однако нескладный юнец, хотя он краснеет, когда женщины с ним заговаривают, и смущается даже просто в их присутствии, хотя в бальной зале ноги его не слушаются, а язык почти всегда прилипает к гортани, все же красноречивей всех на свете, особенно с красивыми дамами. Он одерживает все победы Дон Жуана, не будучи дон-жуановски бессердечен, и может покорить любую остроумием и мелодичностью голоса. Однако красноречие это звучит лишь в его мыслях, а все победы – воображаемые.

Настоящий нескладный юнец почти все время один и не стремится к обществу даже других нескладных юнцов – черта характера, которую люди, на мой взгляд, недостаточно замечают. Скорее всего, он потому и не стал Аполлоном, что по стечению обстоятельств редко бывал в обществе. Его забавы – долгие одинокие прогулки. Шагая среди полей, он грезит о несбыточных успехах и, репетируя блистательные речи, сбивает тростью головки сорняков. Так он тешит свое воображение, которого никто из знакомых в нем не подозревает, и, сам того не сознавая, готовится к запоздалой зрелости – и она придет, если солнце не скроет какая-нибудь злополучная тень.

Такие нескладные юнцы редко бывают обласканы кем-нибудь, кроме матери, и таким был Джон Имс, когда его отправили из Гестуика зарабатывать на хлеб в большой канцелярии лондонского государственного учреждения. Мы можем сказать, что он ничуть не походил на юного Аполлона. Однако друзья у него были – друзья, которые желали ему добра и заботились о его благополучии. И у него была младшая сестра, которая любила его всем сердцем и не догадывалась, что он – нескладный юнец, поскольку сама была нескладной юницей. Миссис Имс, их мать, жила в Гестуике в маленьком домике. Ее ныне покойный муж до последних дней дружил с нашим сквайром. Он был исключительно неудачлив и, начав жизнь человеком почти состоятельным, закончил ее в бедности. Он с рождения жил в Гестуике, когда-то владел большим куском земли, разорился на земледельческих экспериментах и на склоне лет перебрался в домик на окраине города, где и умер за два года до начала нашей истории. Ни с кем другим мистер Дейл не был связан так близко; после смерти мистера Имса он стал его душеприказчиком и опекуном его детей. Именно сквайр выхлопотал для Джона Имса нынешнее место.

А миссис Имс очень близко дружила с миссис Дейл. Сквайр недолюбливал миссис Имс, на которой его друг женился, уже будучи на пятом десятке. Миссис Дейл своей добротой восполняла недостаток сердечности, которую несчастной одинокой женщине выказывали в Большом доме. Миссис Имс была несчастной и одинокой даже при жизни мужа, вдовство же окончательно ее раздавило. Во всех важных делах сквайр был к ней добр: устраивал ее мелкие денежные дела, давал ей советы касательно дома и дохода, выхлопотал место для сына. Однако при встречах он свысока ее третировал, а бедная миссис Имс чтילה его и страшилась. Миссис Дейл своего деверя не страшилась, и порой ее советы гестуикской вдове противоречили указаниям сквайра. Так Белл и Лили близко сошлись с молодыми Имсами; каждая из девушек готова была объявить, что Джон Имс – самый ее дорогой и любимый друг. Однако между собой они иной раз немного посмеивались над ним, как многие хорошенькие девушки, которые дружат с нескладными юнцами, а сами между тем знакомы с Аполлонами.

Я могу сразу объявить, что Джон Имс, уезжая в Лондон, был окончательно и бесповоротно влюблен в Лили Дейл. Он сотни раз объяснялся в своем чувстве самыми убедительными словами, но объяснялся только наедине с собой. Он написал о Лили множество стихов, однако держал свои строки под надежным двойным замком. Порой, отпуская узду своего воображения, Джон Имс говорил себе, что завоевал бы своими стихами не только Лили, но и весь мир,

однако он скорее умер бы, чем показал их хоть одной живой душе. Последние десять недель жизни в Гестуике, готовясь к отъезду в Лондон, он слонялся в окрестностях Оллингтона, заходил в Малый дом и шел обратно, так и не исполнив своего намерения. Во время этих визитов он сидел в гостиной и если заговаривал, то обращался по большей части к миссис Дейл, но всякий раз в начале долгой пешей прогулки давал себе клятву, что сегодня скажет Лили какие-нибудь слова, из которых та догадается о его любви. К его отъезду в Лондон слова эти так и не прозвучали.

Он не мечтал просить ее руки. Джон Имс вступал на жизненное поприще с жалованьем восемьдесят фунтов в год и содержанием в двадцать фунтов из матушкиного кошелька и отлично понимал, что на такой доход не может жить в Лондоне с женой. К тому же он считал, что счастливцев, который завоюет Лили, должен обеспечить ей всю возможную роскошь. Он знал, что не должен ждать от нее заверений в любви, но хотел заверить ее в своем чувстве. Быть может, все будет тщетно. Джон Имс не питал никаких надежд, кроме как в приливе поэтического вдохновения. Он, мысленно не формулируя этого в таких выражениях, признавал себя зеленым юнцом, нескладным, несуразным, неспособным связать на людях двух слов, с лицом как будто незавершенным, незрелым. Все это Джон Имс понимал и знал также, что есть Аполлоны, готовые увлечь Лили в своих блистательных колесницах. И все равно он решил, что, полюбив однажды, должен любить ее до конца.

Одно словечко Джон до отъезда все-таки сказал, но то было скорее заверение в дружбе, а не в любви. Он вышел вслед за ней на лужайку, оставив Белл одну в гостиной. Быть может, Лили отчасти угадывала его чувства и хотела на прощание поговорить с ним тепло или даже почти более, чем тепло. Такую безмолвную любовь женщины видят и так же безмолвно, однако ласково благодарят за уважение, которым она сопровождается.

– Я пришел проститься, Лили, – сказал Джонни Имс, идя вслед за девушкой по дорожке.

– До свидания, Джон, – ответила она, оборачиваясь. – Вы знаете, как мы будем скучать по вас. И все равно замечательно, что вы едете в Лондон.

– Э... да. Наверное. Хотя я предпочел бы остаться здесь.

– Что? Остаться здесь, ничего не делать! Я уверена, вы бы не стали так жить.

– Конечно, я хотел бы чем-нибудь заниматься. Просто...

– Вы хотели сказать, что больно расставаться со старыми друзьями. Нам тоже грустно, что вы уезжаете. Однако у вас будет отпуск, и мы вас увидим.

– Да, конечно, тогда мы увидимся. Лили, о встрече с вами я буду мечтать сильнее, чем о встрече с кем-либо еще.

– О нет, Джон. У вас есть мать и сестра.

– Да, я приеду к матери и Мэри, конечно. Но сюда я приду в первый же день... если, конечно, вы хотите меня видеть.

– Вы знаете, что мы очень хотим вас видеть. И... дорогой Джон, надеюсь, вы будете счастливы.

Тон, которым были произнесены последние слова, едва не сбил его с ног, вернее, почти придал ему силы заговорить, однако сказал он не совсем то, что хотел.

– Правда? – выговорил Джон, на несколько блаженных мгновений задерживая ее руку в своей. – И я очень надеюсь, что вы всегда будете счастливы. До свидания, Лили.

И он ушел домой, а она еще полчаса гуляла по дорожкам среди кустов. У скольких девушек были такие поклонники? Поклонники, которые говорили им не больше, чем Джон Имс сказал Лили Дейл, и этим все заканчивалось? И все же много лет спустя, пересчитывая, кто был в них влюблен, они никогда не забывают нескладного юнца.

Описанное расставание произошло два года назад. Лили Дейл тогда было семнадцать. С тех пор Джон Имс один раз приезжал домой на месяц и в это время часто навещался в Оллингтон. Положение его несколько не улучшилось. Ему казалось, что Лили держится с

ним холоднее, чем в прежние дни, и он еще больше робел в ее присутствии. Нынешней осенью Джон должен был снова приехать в Гестуик, однако Лили Дейл его не ждала и не особо о нем думала. Девятнадцатилетние девушки невысоко ставят двадцатиднолетних воздыхателей, если это не плод, созревший у южной стены или благодаря искусственным ухищрениям.

Любовь Джона Имса пылала с прежней силой, питаемая стихами и поддерживаемая, быть может, задушевными разговорами с другими клерками, однако не следует думать, будто все эти два года он изнывал от любовной тоски. Возможно, такой образ жизни был бы ему полезней, но Джон Имс по складу характера не умел долго унывать. Он уже забросил флейту, из которой до отъезда в Лондон научился извлекать три печальные ноты, и после пятого или шестого воскресенья отказался от долгих одиноких прогулок вдоль Риджентс-канала. Думать о далекой возлюбленной очень сладостно, но через милую-две вспоминаются «Тетушка Салли», Креморн-Гарденс и финансовые вопросы. Вряд ли хоть одной девушке понравились бы мысли ее обожателя, знай она их все.

– Слушай, Кодль, а как попадают в клуб?

Такой вопрос Джон Имс задал на воскресной прогулке закадычному другу, тоже клерку, чья фамилия была Крэделл, а приятели называли его Кодль.

– В клуб? Фишер из нашей комнаты ходит в клуб.

– Это всего лишь шахматный клуб, а я про настоящий.

– Из тех роскошных в Вест-Энде, где собираются светские щеголи? – восхищенно спросил Крэделл, почти ошарашенный тем, как высоко нацелился его друг.

– Я не хотел бы ничего особенно роскошного. Чего ради тереться среди светских щеголей, если сам не такой? Но у мамыши Ропер невыносимо скучно.

Пансион миссис Ропер на Бертон-Кресент присоветовали миссис Имс, когда та искала жилье для сына. Первый год в Лондоне Джон Имс нанимал квартиру, однако там он страдал от одиночества и – увы! – понаделал долгов, разорительных для бедной вдовы. На второй год надо было отыскать что-нибудь понадежнее. Узнав, что миссис Крэделл, вдова барристера, тоже сумевшая пристроить сына в налоговое ведомство, поручила того заботам миссис Ропер, миссис Имс после долгих наставлений почтенной матроне поселила своего мальчика у нее.

– А как насчет посещения церкви? – спросила она у миссис Ропер.

– За этим, мэм, я следить не могу, – честно ответила хозяйка. – Молодые джентльмены сами выбирают, в какую им церковь ходить.

– Но они же туда ходят? – допытывалась мать, очень встревоженная тем, что в своей новой жизни ее мальчик слишком многое будет решать сам.

– Те, кто с детства приучен, по большей части ходят.

– Он приучен, миссис Ропер. Еще как приучен. И вы же не дадите ему ключ от входной двери?

– Обычно они его просят.

– Но если вы скажете, что я просила не давать, Джон не будет настаивать.

Миссис Ропер обещала, что скажет так, и Джонни Имса вверили ее попечению. Он действительно попросил ключ от входной двери, и миссис Ропер ответила, как было велено. Однако Джонни, укрепившись житейскими наставлениями Крэделла, попросил снова, и миссис Ропер дала ему ключ. Она гордилась, что всегда держит слово, и не считала, что от нее можно требовать большего. Она дала Джонни Имсу ключ, как, несомненно, с самого начала и собиралась, поскольку знала жизнь и понимала, что молодые люди, которым не дают ключа, у нее не задержатся.

– Мне казалось, с тех пор как вернулась Амелия, тебе тут уже не так скучно, – заметил Крэделл.

– Амелия! Что мне Амелия? Крэделл, я все тебе рассказал, а ты мне говоришь про Амелию Ропер!

– Послушай, Джонни...

Его всегда называли Джонни; такая форма имени последовала за ним и на службу. Даже Амелия Ропер уже не раз обращалась к нему «Джонни».

– Третьего дня ты так с ней любезничал, будто никакой Л. Д. на свете нет.

Джон Имс отвернулся и мотнул головой. И все равно речь приятеля ему польстила. Приятно воображать себя Дон Жуаном, и Джонни думал, что может иногда побаловать Амелию Ропер небрежным словом, даже если его сердце безраздельно принадлежит Лилиан Дейл. Впрочем, по правде сказать, прекрасная Амелия баловала его нежными словами гораздо чаще, чем он ее.

Миссис Ропер ничуть не погрешила против истины, когда сказала миссис Имс, что в ее доме живут она сама, ее сын, работающий в адвокатской конторе, дряхлая незамужняя тетка мисс Спрус и мистер Крэделл. Божественная Амелия тогда с нею не жила, и миссис Ропер не видела надобности сообщать миссис Имс, что молодая особа, вероятно, вернется домой в начале зимы. Мистер и миссис Лупекс тоже поселились здесь позже, так что теперь у миссис Ропер был полный набор квартирантов.

Надо признать, что Джонни Имс в минуту неосторожности сознался Крэделлу во второй своей, меньшей страсти к Амелии.

– Она хорошенькая... чертовски хорошенькая! – сказал Джон Имс в той манере, которую усвоил с тех пор, как покинул Оллингтон и Гестуик.

Мистер Крэделл тоже был ценитель прекрасного пола, и – увы! – я должен сказать, что в то время предметом его обожания была миссис Лупекс. Не то чтобы он хоть в малой мере злоумышлял против мистера Лупекса – тот был театральный художник и неплохо знал свет. Мистер Крэделл восхищался миссис Лупекс как ценитель.

– Клянусь Богом, Джонни, какая же у нее фигура! – сказал он как-то утром, когда они вместе шли на службу.

– Да, очень складная.

– Если я что-нибудь понимаю в формах, то она – почти совершенство, – продолжал Крэделл. – Какой бюст!

Из этого высказывания, а также из того, что фигура миссис Лупекс во многом зависела от корсета и кринолина, можно заключить, что мистер Крэделл мало что понимал в женских формах.

– Мне кажется, нос у нее не совсем прямой, – сказал Джон Имс.

Нос у миссис Лупекс и впрямь был немного скособочен. Это был длинный тонкий нос, который, выдаваясь вперед, безусловно, слегка кривился влево.

– Для меня фигура важнее лица, – сообщил Крэделл. – Однако у миссис Лупекс красивые глаза – очень красивые.

– И она ловко ими стреляет, – заметил Джонни.

– А почему бы и нет? И у нее прелестные волосы.

– Только она никогда не причесывается по утрам.

– Знаешь, мне нравится такая небрежность, – возразил Крэделл. – Чрезмерная забота о себе всегда видна.

– Однако женщина должна быть опрятной.

– Как можно так говорить о миссис Лупекс! На мой взгляд, она блистательна. И как она была мила вчера вечером. Знаешь, мне думается, Лупекс дурно с нею обращается. Вчера она обмолвилась мне... – Тут он умолк. Бывает откровенность, которой мужчина не делится даже с ближайшим другом.

– Мне думается, все наоборот, – ответил Имс.

– Что значит наоборот?

– Что Лупексу с миссис Л. несладко. Меня от ее голоса иногда озноб пробирает.

– Мне нравятся темпераментные женщины.

– Мне тоже. Однако все хорошо в меру. Амелия мне сказала... только ты никому не передавай.

– Конечно.

– Она сказала, что Лупекс иногда вынужден сбегать от жены. Он отправляется в театр и не кажет оттуда носу по двое-трое суток. Тогда она отправляется за ним, и дома они скандалят.

– Все дело в том, что он пьет, – объявил Крэделл. – Клянусь Богом, мне жалко жену пьяницы. А когда это еще такая женщина!

– Поберегись, дружище, иначе угодишь в переплет.

– За меня не волнуйся. Я не потеряю голову из-за хорошенькой женщины.

– И сердце?

– О, сердце! Ничего такого во мне нет. Я смотрю на женщину, как на картину или на статую. Наверное, когда-нибудь женюсь, потому что все женятся, но сходить с ума ни по кому не буду.

– Я каждую минуту схожу с ума из-за...

– Л. Д., – сказал Крэделл.

– И все же я знаю, что никогда ее не получу. Я по натуре весельчак, и все же, Крэделл, когда она выйдет замуж, для меня все будет кончено.

– Ты перережешь себе горло?

– Нет, ничего такого я делать не стану, но для меня все будет кончено.

– Ты едешь туда в октябре. Отчего бы не сделать ей предложение?

– При жалованье в девяносто фунтов! – (Благодарная страна уже дважды прибавляла Джонни по пять фунтов.) – При жалованье в девяносто фунтов и двадцати фунтах от матери!

– Думаю, она может подождать. Я бы точно сделал ей предложение. Если любишь девушку, что проку молчать!

– Также верно, – признал Джонни Имс.

Тут они дошли до налогового ведомства, и каждый отправился за свой стол.

Из их диалога можно заключить, что, хотя миссис Ропер ни в чем миссис Имс не обманула, та едва ли хотела для сыночка такого ангела-хранителя. Однако на самом деле найти ангела-хранителя в Лондоне за сорок восемь фунтов в год, с выплатами поквартально, не так уж просто. Миссис Ропер была не хуже других квартирных хозяек. Она предпочла бы держать только уважаемых жильцов – если бы могла найти четырех. Мистер и миссис Лупекс под такое определение не подходили, и, сдавая им большую комнату за сто фунтов в год, миссис Ропер знала, что поступает дурно. И еще она беспокоилась из-за своей дочери Амелии, которой уже перевалило за тридцать и которая, надо сказать честно, до того была старшей модисткой в манчестерской лавке. Миссис Ропер знала, что миссис Имс и миссис Крэделл не желали бы своим сыновьям общения с ее дочерью. Но что ей оставалось? Она не могла отказать в крове собственной дочери, хотя у нее и шевельнулись нехорошие предчувствия при виде того, как Амелия кокетничает с молодым Имсом.

– Амелия, мне не нравится, что ты столько говоришь с этим молодым человеком.

– Бросьте, мамаша.

– Если ты будешь так продолжать, то оставишь меня без обоих квартирантов.

– Как продолжать? Если джентльмен ко мне обращается, я же должна ему ответить. Уж наверное, я умею себя вести.

И Амелия тряхнула головой. Мать умолкла, поскольку боялась дочери.

Глава V. Насчет Л. Д

Аполлон Кросби приехал в Оллингтон тридцать первого августа с намерением пробыть там четыре недели. По его словам, он собирался восстановить силы двухмесячным отпуском и еще не решил, что будет делать во второй месяц. Его пригласили в десяток мест. Леди Хартлтоп готова была распахнуть перед ним двери своего шропширского дома. Графиня Де Курси звала его присоединиться к ее свите в замке Курси. Ближайший друг мистера Кросби, Монтомери Доббс, очень хотел увидеть его в своем шотландском имении, а еще один приятель уговаривал покататься на яхте. Однако мистер Кросби ко времени отъезда из Лондона еще не принял ни одного из этих приглашений. Первого октября мы окажемся в Оллингтоне вместе с Джонни Имсом, и Аполлон Кросби по-прежнему будет там – к неудовольствию нашего друга из налогового ведомства.

Нельзя сказать, что Джонни Имсу не повезло с отпуском. Ему разрешили покинуть Лондон в октябре, когда мало кто по собственной воле остается в городе. Сам я считаю, что отдыхать лучше всего в мае, однако ни один лондонец не захочет уехать в мае из столицы. Молодой Имс, хотя жил на Бертон-Кресент и никоим образом не был связан с Вест-Эндром, уже усвоил этот урок.

– Меня хотят отправить в отпуск в мае, – пожаловался он своему другу Крэделлу. – Небось думают, я законченный простофиля.

– Плохо дело, – ответил Крэделл. – Человеку не должны предлагать отпуск в мае. Я никогда не брал отпуск в мае и, более того, никогда не возьму. Если мне такое предложат, я сразу пойду в правление.

Имс избежал беды, и даже в правление ходить не понадобилось. Ему удалось получить отпуск в октябре, самом желанном месяце.

– Я уеду завтра ночным почтовым, – сказал он Амелии Ропер вечером накануне отъезда.

Они сидели вдвоем в гостиной миссис Ропер. Крэделл в соседней комнате беседовал с миссис Лупекс, но поскольку с ними была мисс Спрус, надо полагать, у мистера Лупекса не было поводов ревновать.

– Да, – ответила Амелия. – Я знаю, как вы спешите в тот райский уголок. Я и не думала, что вы задержитесь на Бертон-Кресент хоть на один лишний час.

Амелия Ропер была девушка рослая, темноволосая – не красавица, потому что нос у нее был широкий, а подбородок – тяжелый, однако не лишенная женственной приятности. В ее карих глазах блестело недоброе озорство. Она была бойка на язык, но умела и разбранить, могла прикинуться голубкой, а могла и встопорщить перья, как хищная птица. Я готов признать, что Джону Имсу следовало держаться подальше от Амелии Ропер, однако молодые люди так часто делают то, чего делать не след!

– После года в Лондоне всегда хочется поскорее увидеться с друзьями, – сказал Джонни.

– С друзьями, мистер Имс! С какими друзьями? Думаете, я не знаю, кто это?

– Да, я думаю, вам неоткуда это знать.

– Л. Д.! – воскликнула Амелия, показывая, что о Лили говорят между собой люди, которым ее имя слышать не положено. Впрочем, возможно, на Бертон-Кресент знали лишь инициалы. И Амелия произнесла их таким тоном, будто само существование этих двух букв ее оскорбляет.

– Л. Д., легкие деньги, – сказал Джонни, прикидываясь остроумным мотом. – И я их люблю, только вот они меня не любят.

– Чепуха, сэр. Не говорите со мной так. Как будто я не знаю, кому принадлежит ваше сердце. Какое право вы имели так со мной говорить, если у вас есть Л. Д. в деревне?

В защиту бедного Джона Имса надо сказать, что он никогда еще не говорил с Амелией «так» в том смысле, какой подразумевали ее слова. Однако он написал ей роковую записку, о которой мы поговорим чуть позже, и это, возможно, было так же плохо – если не хуже.

– Ха-ха! – рассмеялся Джонни.

Однако смех его был притворный и натужный.

– Да уж, сэр, для вас всё хаханьки. Мужчине легко над таким смеяться – то есть ежели он совсем бессердечный, ежели у него в груди камень вместо плоти и крови. Я знаю, некоторые мужчины каменные и не испытывают чувств.

– Каких слов вы от меня хотите? Вы якобы все знаете, и я не смею вам перечить.

– Каких слов я хочу? Вы прекрасно знаете каких. Вернее, ничего я не хочу. Что мне до Л. Д.? Можете ехать в Оллингтон и делать, что вам вздумается. Только мне противно такое поведение.

– Какое поведение, Амелия?

– Какое?! Вот что, Джонни, я не позволю ни одному мужчине себя дурачить. Когда три месяца назад я приехала домой – лучше бы мне было не приезжать... – Тут Амелия сделала паузу, ожидая возражений, однако их не последовало, и она продолжила: – Но когда я приехала, я не думала, что в Лондоне сыщется мужчина, который заставит меня о себе думать. А теперь вы уезжаете, ничего мне толком не сказав. – И она достала носовой платок.

– Что я могу сказать, если вы все время меня браните?

– Браню! Я! Нет, Джонни, я вас не браню. Если между нами все кончено, просто скажите, и я до вашего возвращения отсюда уеду. У меня от вас тайн нету. Я могу вернуться в Манчестер, хотя по рождению мне ремеслом заниматься унижительно и не к такому я приучена. Если Л. Д. вам дороже меня, так и скажите. Я не буду стоять у вас на пути.

Л. Д. была ему дороже Амелии Ропер – в десять раз дороже. Л. Д. стала бы для него всем, Амелия Ропер – хуже, чем никем. Все это Джонни сейчас чувствовал и силился набраться храбрости, которая позволила бы ему вырваться на свободу.

– Скажите же, и между нами все будет кончено, – потребовала она, поднимаясь с места и вставая перед Джонни. – У меня есть ваше обещание, но я не хочу пользоваться своим преимуществом. Если Амелии не принадлежит ваше сердце, ей не нужна и ваша рука. Но я должна получить ответ.

Казалось, ему открывается легкий путь к избавлению, однако дама, вероятно, знала, что такому, как Джон Имс, предлагаемый путь вовсе не легок.

– Амелия, – выговорил он, не вставая с дивана.

– Что, сэр?

– Вы знаете, что я вас люблю.

– А как насчет Л. Д.?

– Если вам угодно верить любому вздору, какой вам наплел Крэделл, я ничего поделать не могу. Не моя вина, если вам угодно ревновать из-за двух букв.

– И вы меня любите? – спросила она.

– Конечно люблю.
При этих словах Амелия бросилась в его объятия.

Дверь между комнатами была открыта, и мисс Спрус, сидевшая в кресле напротив, вероятно, все видела. Однако мисс Спрус была тихонькая старушка, не склонная выражать удивление или радость, а поскольку она жила у миссис Ропер уже двенадцать лет, то, вероятно, была хорошо знакома с обычными ее дочери.

– Вы будете мне верны? – спросила Амелия в миг объятия. – Верны мне навеки?

– О да, само собой, – ответил Джон Имс.

Тогда она его выпустила, и они вместе вошли в соседнюю комнату.

– Ах, мистер Имс, вы очень вовремя! – воскликнула миссис Лупекс. – Мистер Крэделл говорит такие странные вещи.

– Странные! – возмутился Крэделл. – Мисс Спрус, скажите, я говорил что-нибудь странное?

– Если и говорили, я не заметила, – сказала мисс Спрус.

– А я заметила, – настаивала миссис Лупекс. – Холостяк не должен спрашивать у замужней женщины, шиньон у нее или свои волосы, ведь правда, мистер Имс?

– Я никогда не обращал внимания, – сказал Джонни безо всякого намерения съехидничать.

– Еще бы, сэр, – ответила дама. – Мы все знаем, куда направлены ваши взоры. Вот если бы вы, дорогая, надели шиньон, кое-кто очень скоро обратил бы внимание, не так ли, мисс Спрус?

– Наверное, – согласилась старушка.

– Если бы шиньон шел мне так же, как вам, миссис Лупекс, я надела бы его завтра, – сказала Амелия, не желая сегодня ссориться с замужней дамой. Впрочем, миссис Лупекс и мисс Ропер далеко не всегда были друг с другом так любезны.

– А Лупексу нравятся шиньоны? – спросил Крэделл.

– Даже надень я шлем с перьями, он едва ли заметил бы разницу, да и если бы я вовсе лишилась головы, тоже. Вот что бывает, когда люди женаты. На вашем месте, мисс Ропер, я бы оставалась в девицах, пусть кое-кому это и разобьет сердце. А вы, мисс Спрус?

– Ну, я-то уже старуха, – ответила мисс Спрус, что, безусловно, было правдой.

– Я не понимаю, что женщина выигрывает от замужества, – продолжала миссис Лупекс. – Зато мужчина получает все. Он и жить-то не умеет без женщины-помощницы.

– Так, по-вашему, любовь ничего не значит? – спросил Крэделл.

– Ах, любовь! Я в нее не верю. Когда-то я думала, что влюблена, и чем все закончилось? Вот мистер Имс – мы все знаем, что он влюблен.

– Для меня это естественно, миссис Лупекс, я такой от рождения, – ответил Джонни.

– И вот мисс Ропер. Про дам такое говорить не принято, но, возможно, она тоже влюблена.

– Говорите за себя, миссис Лупекс, – отрезала Амелия.

– Такое можно говорить без опаски, ведь правда? Даже если вы сами еще не догадались, я могу уверенно сказать, что у вас каменное сердце, ибо если кого любят беззаветно, так это вас. О Боже, я слышу шаги Лупекса на лестнице! Что принесло его в такой час? Если он пьян, то зол, как не знаю что.

Тут в комнату вошел мистер Лупекс и разрушил всю приятность общения.

Уж конечно, миссис Крэделл и миссис Имс не поселили бы сыновей на Бертон-Кресент, знай они, какие опасности здесь подстерегают. Оба молодых человека, надо признать, вели себя неосторожно, но каждый ясно видел неосторожность друга. Меньше чем за неделю до того Крэделл всерьез предостерегал Джонни:

– Клянусь Богом, влипнешь ты с этой девицей.

– Все через это проходят, – ответил Джонни.

– Но те, кто влипает слишком сильно, уже не выкарабкиваются. Где ты будешь, если она получит от тебя письменное обязательство жениться?

Бедный Джонни ответил не сразу, поскольку на самом деле Амелия Ропер уже владела таким документом.

– Где я буду? – повторил он. – Наверное, среди нарушителей брачного обещания.

– Либо так, либо среди жертв брака. Я считаю, если дал такое обязательство, его надо выполнять.

– Может, и да, – ответил Джонни, – хотя не знаю. Неизвестно, что человек должен делать в таком случае.

– Но ты еще ничего такого ей не обещал?

– Разумеется, нет!

– На твоём месте, Джонни, я бы держался от нее подальше. Поухлестывать за девушкой, конечно, приятно, но так опасно! Вообрази себя с такой женой!

Так Крэделл предостерегал друга, и теперь, перед самым отъездом в Оллингтон, Джонни вернул ему долг. Они вместе пошли на Паддингтонский вокзал, и, когда прохаживались по перрону, Джонни дал приятелю совет:

– Послушай, Кодль, старина, поосторожнее ты с миссис Лупекс, иначе угодишь в пере-
плет.

– За меня не бойся, я знаю, что делаю. Нет ничего безопасней легкого флирта с замужней женщиной. Разумеется, между нами ничего нет.

– Знаю. Но она все время говорит, что Лупекс ревнив, и, если он разозлится, тебе несдоб-
ровать.

Крэделл, впрочем, считал, что оснований для тревоги нет: его романчик с миссис Лупекс исключительно платонический и безопасный. Ничего дурного, заверил он друга, его мораль-
ные принципы не допустят. Миссис Лупекс – женщина одаренная, непонятая и неоцененная,
поэтому занятно исследовать ее характер. Это просто изучение характера, ничего больше.
Затем друзья простились, и ночной почтовый увез Имса в Гестуик.

Как миссис Имс встретила сына в четыре утра, как ликовало материнское сердце при виде
его уверенной походки и мужественности, которую придали его лицу бакенбарды, расписывать
нет надобности. Джонни во многом перестал быть нескладным юнцом, и даже Лили Дейл, воз-
можно, признала бы, что он больше не мальчишка. Все это можно было бы считать переменами
к лучшему, если бы, оставив позади ребячество, он обратился к чему-нибудь получше.

В первый же день Джонни отправился в Оллингтон, но не пешком, как в прежние счаст-
ливые деньки. Ему подумалось, что негоже являться в гостиную миссис Дейл в поту и дорож-
ной пыли, поэтому он нанял в гостинице лошадь и приехал верхом, гордясь купленными на
Пикадилли шпорами и новенькими, первый раз надетыми лайковыми перчатками. Увы, увы!
Боюсь, два года в Лондоне не улучшили Джона Имса, и все же я должен признать, что Джон
Имс – один из героев моего повествования.

В гостиной он застал миссис Дейл со старшей дочерью. Лили с ними не было, и Джон,
пожав дамам руки, естественно, спросил, где она.

– Лили в саду, – ответила Белл, – и скоро вернется.

– Она ходила в Большой дом с мистером Кросби, – добавила миссис Дейл, – но не соби-
ралась там оставаться. Лили будет так рада вам, Джон! Мы все вас сегодня ждали.

– Правда? – спросил Джонни, у которого при упоминании мистера Кросби сердце будто
окатили холодной водой.

Он думал о Лили Дейл с того мига, как сел в поезд, и я могу заверить читательниц,
что его истинная любовь к Лили не полиняла ни перышком из-за скверной интрижки с мисс
Ропер. Боюсь, мне не поверят, но это так. Его сердце всегда безраздельно принадлежало Лили,
даже если такая особа, как Амелия Ропер, и умела вырвать у него признания. Он думал о
встрече с Лили всю ночь и все утро, а теперь узнаёт, что она гуляет по саду с посторонним
джентльменом. Что мистер Кросби человек в модном свете известный, Джонни слышал, но

больше ничего о нем не знал. Отчего мистеру Кросби позволяют гулять с Лили Дейл? И отчего миссис Дейл упоминает об этом как о чем-то само собой разумеющемся? Загадка разрешилась очень быстро.

– Думаю, Лили не обидится, если я сообщу такому близкому другу, что произошло, – сказала миссис Дейл. – Она помолвлена с мистером Кросби.

Холодная вода, которой окатили его сердце, сомкнулась у Джонни над головой, лишив его дара речи. Лили помолвлена с мистером Кросби! Он знал, что надо ответить миссис Дейл и что молчанием он выдал свою тайну – тайну, которую теперь следовало хранить от всего мира. И все же он не мог открыть рот.

– Мы все очень за нее рады, – сказала миссис Дейл, желая ему помочь.

– Мистер Кросби чрезвычайно мил, – подхватила Белл. – Мы часто говорили о вас, и он будет счастлив с вами познакомиться.

– Что ему до меня, – выговорил Джонни, чтобы хоть что-то ответить, и даже на этих бессмысленных словах голос его сорвался. Он бы отдал все на свете за то, чтобы явить самообладание, однако ничего не мог с собой поделать.

– А вот и Лили идет через лужайку, – сказала миссис Дейл.

– Тогда я лучше уйду, – ответил Имс. – Не говорите ей ничего, пожалуйста.

И, не дожидаясь ответа, он торопливо вышел из гостиной.

Глава VI. Счастливые дни

Я отлично помню, что не описал Белл и Лилиан Дейл, и отчетливо сознаю, что чем дольше откладывать, тем труднее это будет сделать. Насколько было бы лучше, пойми читатель безо всякого описания, что обе – хорошенькие белокурые девушки, Белл – выше ростом и красивее, а Лили – почти такая же красавица, как сестра, и, возможно, милее.

Они были хорошенькие белокурые девушки, очень схожие между собой, чей портрет, отчетливо стоящий у меня перед глазами, я едва ли сумею изобразить так, чтобы читатель увидел разницу между сестрами. Обе были субтильные, чуть меньше среднего роста, Лили пониже, но так незначительно, что это помнилось, лишь когда они стояли рядом. И когда я назвал Белл более красивой, мне, наверное, следовало уточнить, что я просто имел в виду бóльшую правильность черт. Кожа у обеих была очень светлая, того нежного розоватого оттенка, который мы не столько различаем, сколько угадываем по общему ощущению здоровья. Ни Белл, ни Лили не выглядели болезненно бледными, однако никто не назвал бы их розовощекими. Волосы их, темнее льняных, но гораздо светлее каштановых, с ярким золотым отливом, были настолько одинаковые и по мягкости, и по цвету, что никто, даже мать, не нашел бы отличий. У Белл, впрочем, они были гуще, так что Лили всегда говорила о своих жидких волосенках и восхищалась сестриными. Тем не менее головка у Лили была так же хороша, как у сестры, а для простых кос, какие носили обе девушки, особо пышной шевелюры и не требуется. Глаза у обеих были голубые, только у Белл – нежные и длинные, редко устремлявшиеся прямо на собеседника, а у Лили – круглее и ярче, и она всегда без смущения смотрела куда хочет. И личико у Лили было, быть может, менее овальное – менее безупречно овальное, – чем у сестры. Формой лба они не различались вовсе, а вот подбородок Белл достался более изящный, зато у Лили его украшала ямочка, что вполне восполняло неидеальность очертаний. Зубы у Белл были еще ровнее, чем у сестры, поэтому она чаще показывала их в улыбке, а вот ее более тонким губам, на мой взгляд, чуточку не хватало выразительности. Нос у нее был безупречный, а у Лили – чуточку широковат. Итак, неудивительно, что красавицей в семье считалась Белл.

Однако, быть может, самое сильное впечатление девушки производили не миловидностью черт и не изяществом фигуры, а спокойным достоинством без тени горделивой напыщенности и девичьей скромностью безо всякого намека на кривлянье. В них всегда ощущалась та уверенность, которую женщины неосознанно черпают в сознании своей чистоты и слабости. Сестры не боялись мужчин, да у них и не было оснований для такой боязни. Подобную девушку мужчина может обмануть, но не может оскорбить. Лили, как читатель, возможно, уже заметил, порой вела себя игриво, однако никогда не увлекалась настолько, чтобы собеседник забыл о должном уважении.

А теперь Лили была помолвлена, и дни ее игривости остались в прошлом. Грустный приговор, однако, боюсь, такова правда. И когда я думаю, что это правда – когда я вижу, что девушка, еще вчера резвившаяся, как котенок, должна оставить, и обычно оставляет, прежние забавы, как только становится невестой, мне грустно, что женская часть человеческого рода так торопится замуж. Впрочем, я не знаю, как исправить беду (если это беда), и сознаю, что не совсем верно ее назвал. Девушки спешат не замуж, они спешат любить, а как только рождается любовь, брак прибирает ее к рукам, и беда свершается.

Лили была помолвлена с Адольфусом Кросби – Аполлоном Кросби, как она по-прежнему его называла, поверив ему свою давнюю шутку. Для нее он впрямь был Аполлоном, как и должен быть для девушки ее милый. Он был красив, изящен, умен, уверен в себе, весел всегда, когда ей этого хотелось, однако умел говорить и о серьезных вещах. Он читал Лили вслух, объясняя ей то, что она по младости не понимала сама. У него был красивый голос, который

мог звучать торжественно или печально, а мог звенеть от смеха, как у самой Лили. Разве такой мужчина не достоин быть Аполлоном для девушки, когда та призналась себе, что любит его?

Лили призналась себе и призналась ему. Читатель, возможно, упрекнет ее в скоропалительности. Однако Лили не видела причин откладывать свое согласие. Мистер Кросби ухаживал за ней со всеобщего одобрения. Когда он впервые приехал в Оллингтон на несколько дней, все поначалу думали, что ему больше нравится Белл. И Белл в своей тихой манере принимала восхищение гостя, ни с кем его не обсуждая и почти об этом не думая. Сердце Лили тогда было свободно. Тень Купидонова крыла еще не легла на *tabula rasa* в ее груди. С Белл было не так – не совсем так. О Белл тоже будет рассказано, но не на этой странице. Однако еще до знакомства с мистером Кросби она твердо положила, что должна преодолеть и уничтожить свое чувство. Мы можем сказать, что оно было преодолено и уничтожено, так что Белл ничуть бы не погрешила, выслушай она признания нового Аполлона. Почти печально думать, что такой человек мог завоевать любую из двух подобных девушек, но, боюсь, дело обстояло именно так. Аполлон в полном блеске могущества вскоре изменил свои предпочтения и еще до конца первого визита принялся оказывать младшей те мелкие знаки внимания, какие вначале оказывал старшей. Затем он приехал надолго, уже как гость сквайра, и не прошло месяца, как мистер Кросби сделался женихом Лили.

Можно было только восхищаться тем, как повела себя Белл, увидев, к чему все идет. Увидела она это очень скоро. Первые догадки забрезжили у нее в тот вечер, когда девушки обедали в Большом доме, оставив матушку есть (или не есть) зеленый горошек. Затем мистер Кросби уехал, и в следующие шесть или семь недель Белл говорила о нем гораздо чаще сестры. Она отметила, с каким жаром Кросби при прощании пообещал Лили скоро вернуться в Оллингтон. Лили приняла эти слова так, будто они вовсе к ней не относятся, однако Белл поняла их значение и, считая Кросби порядочным человеком, всякий раз отзывалась о нем по-доброму, подогревая чувство, которое, возможно, уже зародилось у сестры.

– Знаешь, он такой Аполлон, – заметила как-то Лили.

– Он джентльмен, это я знаю.

– О да. Мужчина не может быть Аполлоном, если он не джентльмен.

– И он очень умен.

– Наверное, да.

Лили уже не говорила, что он обыкновенный клерк. Вот Джон Имс – обыкновенный клерк, а Кросби если и клерк, то чрезвычайно высокого разряда. Одним и тем же словом называют такие разные должности! Секретарь местного совета и приходский писарь – оба клерки, но отличаются, как небо и земля! Что-то подобное внушила себе Лили, дабы не считать мистера Кросби презренным мелким служащим.

– Лучше бы он не приехал, – сказала миссис Дейл старшей дочери.

– Мне кажется, маменька, ты не права.

– Но если она к нему привяжется, а потом...

– Лили никогда по-настоящему не привяжется к мужчине, пока он не даст ей должных оснований. А если он ее любит, почему им не пожениться?

– Она еще так юна.

– Ей девятнадцать, и, если они заключат помолвку, до свадьбы может пройти еще год. Только незачем говорить таким тоном, маменька. Если ты скажешь Лили не подавать ему надежд, она не станет его слушать.

– У меня и в мыслях не было вмешиваться.

– Конечно, маменька, а значит, пусть все идет своим чередом. Мне самой мистер Кросби очень нравится.

– И мне, милая.

– И дядюшке тоже. Я бы не хотела, чтобы Лили вышла замуж по дядюшкиной указке.

– Уж надеюсь, такого не будет.

– И все-таки нужно считать благом, если она выберет человека, который ему по душе.

Так мать и старшая дочь обсуждали дело между собой. Затем приехал мистер Кросби, и еще до конца месяца предсказания Белл сбылись. И во время его короткого ухаживания все складывалось для влюбленных как нельзя лучше. Сквайр сразу объявил, что партия его устраивает, и в обычной своей холодной манере известил миссис Дейл, что мистер Кросби обладает доходом, позволяющим ему вступить в брак.

– Для жизни в Лондоне это довольно мало, – заметила миссис Дейл.

– Его доход выше, чем был у моего брата, когда тот женился, – возразил сквайр.

– Лишь бы она была счастлива с ним, как я была счастлива с вашим братом – в те недолгие годы! – ответила миссис Дейл и отвернулась, пряча навернувшуюся слезу.

И больше сквайр и его невестка об этом не говорили. Сквайр не сказал, что даст Лили приданое, – даже не пообещал, что поможет молодым на первых порах, как, безусловно, сделал бы в таком случае любой богатый дядюшка. Легко догадаться, что миссис Дейл сама эту тему не затрагивала. И она понимала, что сквайр не поделится с нею своими намерениями, какими бы они ни были. Это было неприятно, однако уж так сложились их отношения.

Бернард Дейл все это время жил в Оллингтоне безвыездно. Если миссис Дейл и решилась бы поговорить об этом предмете, то лишь с ним; с другой стороны, Бернард умел быть таким же скрытным, как его дядя. После возвращения мистера Кросби молодые люди, разумеется, много времени проводили вместе; как-то у них зашел разговор про девушек, и мистер Кросби упомянул о своем растущем чувстве к Лили.

– Полагаю, вам известно, что дядюшка хочет женить меня на старшей, – сказал Бернард.

– Я догадался.

– И думаю, так и будет. Она хорошенькая и вообще чистое золото.

– Да, да.

– Не буду притворяться, будто влюблен в нее без ума. Это, знаете ли, не в моей натуре. Однако когда-нибудь в ближайшее время я сделаю ей предложение, и, думаю, все будет благополучно. Дядя твердо пообещал мне восемьсот фунтов в год с поместья и приглашать нас на три месяца каждый год, если мы захотим. Я прямо ему сказал, что за меньшее не соглашусь, и он принял мои условия.

– Вы с ним отлично ладите.

– О да! Между нами никогда не было всей этой галиматши про любовь, долг и все прочее. Думаю, мы отлично друг друга понимаем. Он знает, как хорошо быть в ладу с наследником, а я знаю, как хорошо быть в ладу с владельцем имени.

Думаю, следует признать, что Бернард Дейл в полной мере обладал практичностью и здравым смыслом.

– А что он даст младшей? – спросил Кросби. Когда он задавал этот чрезвычайно важный вопрос, внимательный наблюдатель различил бы в его голосе легкую дрожь.

– Вот чего не знаю, того не знаю. На вашем месте я бы спросил его самого. Дядюшка человек прямой и любит прямоту.

– Спросить у него вы, конечно, не можете?

– Да, это было бы неловко. Полагаю, с пустыми руками он ее не отпустит.

– Я бы тоже так думал.

– Но запомните, Кросби, – я не могу дать вам никаких заверений. Лили тоже чистое золото, и, раз она вам нравится, я бы на вашем месте спросил его без обиняков, что он намерен для нее сделать. Разумеется, это против моих интересов, поскольку каждый шиллинг, который он даст Лили, пойдет в конечном счете из моего кармана. Однако вы же знаете, я не такой человек, чтобы об этом думать.

Не будем задаваться вопросом, что знал по этому поводу Кросби; впрочем, можем сказать, что его не заботило, из чьего кармана возьмутся деньги, лишь бы они оказались в его собственном. Убедившись в чувствах Лили – получив от нее разрешение поговорить с дядей и обещание, что сама Лили поговорит с матерью, – он рассказал сквайру о своих намерениях. Сделал он это очень прямо и мужественно, как будто считал, что, прося о многом, и сам предлагает многое.

– У меня нет никаких возражений, – ответил сквайр.

– И вы позволяете мне считать, что я с ней помолвлен?

– Если она и ее мать согласны. Разумеется, вы знаете, что у меня нет над ней никакой власти.

– Она не выйдет замуж без вашего одобрения.

– Очень любезно с ее стороны так уважать дядюшку, – сказал мистер Дейл, и его слова резанули Кросби своей холодностью.

После этого он не отважился спросить о деньгах. «Что проку? – говорил он себе, пытаюсь оправдать свое малодушие. – Даже если он не даст ей и шиллинга, мне уже поздно отступить». И он задумался о несправедливости, с которой сталкиваются мужчины. Прежде чем справляться о деньгах невесты, ты обязан сделать ей предложение, а после этого ответ уже ничего не меняет. Такие мысли несколько остудили его счастье. Лили была очень мила и очаровательна своей наивностью, своей чистотой и быстрым умом. Ни одно удовольствие не сравнилось бы с ухаживанием за Лили Дейл. Ее умение льстить жениху безо всякого намерения польстить дарило ему несказанную радость, какой он не знал прежде. «Можешь не сомневаться, – говорила она, – я буду любить тебя всем сердцем и всей душой». Прелестно; однако на что они будут жить? Неужто ему, Адольфусу Кросби, придется жить на северной стороне Нью-роуд женатым человеком с доходом восемьсот фунтов в год? Если только сквайр даст Лили столько же, сколько обещал Белл, все еще может устроиться.

Однако счастье Лили не смущали подобные мысли. О деньгах она имела понятие самое смутное, но честное. Она знала, что своих средств у нее нет, но считала обязанностью мужа подыскать все необходимое для семейной жизни. Знала Лили и то, что, не имея собственных средств, не вправе ждать роскоши от скромного жилища, которое ей приготовят. Ради жениха она надеялась, что дядя им чем-нибудь поможет, но вполне готова была доказать, что может быть хорошей женой бедняку. В прежних разговорах с сестрой Лили всегда утверждала, что без приличного дохода нечего и задумываться о любви. Однако восемьсот фунтов в год более чем выполняли это условие. У Белл взгляды были более романтические. Она утверждала, что доход вообще не следует брать в рассмотрение. Если она полюбит мужчину, то согласится выйти за него, как бы он ни был беден. Таковы были их теории, и Лили осталась вполне довольна тем, как осуществила свою.

В те прекрасные дни ничто не мрачило ее счастья. Мать и сестра в один голос твердили, что избранник достоин ее любви. В первый же день, когда Лили сообщила матери о помолвке, то, как приняли это известие, довершило полноту ее блаженства.

– Ах, маменька, я должна кое-что тебе сказать! – воскликнула Лили, входя к матери в спальню после долгой прогулки с мистером Кросби по оллингтонским полям.

– Это насчет мистера Кросби?

– Да, маменька.

И все остальное было досказано не столько словами, сколько нежными объятиями и слезами счастья.

Покуда Лили сидела рядом с матерью, уткнувшись личиком ей в плечо, вошла Белл и встала на колени у ее ног.

– Дорогая Лили, – промолвила она, – я так за тебя рада.

И тут Лили, вспомнив, что, по сути, украла возлюбленного у сестры, обняла Белл за шею и поцеловала.

– Я с самого начала знала, что так будет, – сказала Белл. – Ведь правда, маменька?

– А я нет, – ответила Лили. – Даже не думала, что такое возможно.

– А мы думали – я и маменька.

– Правда? – спросила Лили.

– Белл мне сказала, что так будет, – признала миссис Дейл. – Однако я поначалу не могла себя убедить, что он достаточно хорош для моего ангела.

– Ах, маменька, не говори так! Ты должна думать, что он достаточно хорош для чего угодно.

– Я буду думать, что он очень хороший.

– Кто может быть лучше? И потом, вспомни, от чего он ради меня отказывается! И чем я могу ему отплатить? Что я могу ему дать?

Ни миссис Дейл, ни Белл не были согласны с таким взглядом; они считали, что Лили дает не меньше, чем получает. Впрочем, обе сказали, что мистер Кросби – само совершенство, зная, что лишь такими заверениями могут сделать Лили счастливой. И Лили была совершенно счастлива тем, как мать и сестра хвалят ее милого и радуются за нее.

Вскоре после этого пришел Джонни Имс. Когда бедняга стремительно ушел, даже не попрощавшись, миссис Дейл и Белл печально переглянулись, но не успели составить никакого плана, потому что Лили пробежала через лужайку и была уже под окнами.

– В конце кустов мы увидели дядю Кристофера и Бернарда, так что я сказала Адольфусу, чтобы дальше он шел один.

– А знаешь, кто сюда приходил? – спросила Белл.

Миссис Дейл промолчала. Будь у нее время поговорить со старшей дочерью, о визите Джонни сейчас бы не упомянули.

– Кто-то приходил, пока меня не было? Если так, недолго он тут пробыл.

– Бедный Джонни Имс, – сказала Белл.

Лили вспыхнула румянцем, вспомнив, что друг детства тоже ее любил и лелеял надежды. Сейчас он услышал известия, положившие надеждам конец. Все это она поняла в один миг, но поняла и то, что должна скрыть свое понимание.

– Милый Джонни! – проговорила она. – Почему он меня не дождался?

– Мы сказали ему, что ты вышла, – ответила миссис Дейл. – Без сомнения, он скоро снова заглянет.

– И он знает?..

– Да. Я подумала, ты не обидишься, если я ему сообщу.

– Конечно, маменька. И он вернулся в Гестуик?

Мать не ответила, и больше они про Джонни Имса не говорили. Каждая из них в точности знала, как обстоят дела, и каждая знала, что другие это понимают. Все три его любили, но не восхищались им, как мистером Кросби. Джонни Имс не годился бы в женихи их ненаглядной Лили. И миссис Дейл, и Белл обе так чувствовали и все равно любили его за чувства к ней и за то почтительное смирение, что вынуждало его молчать о своей любви. Бедный Джонни! Однако он молод – только-только вышел из мальчишеских лет – и оправится от удара, а романтические воспоминания останутся с ним и, возможно, даже пойдут ему на пользу. Так женщины думают о тех, кто полюбил рано и безответно.

Однако сам Джон Имс, когда он ехал обратно в Гестуик, позабыв о шпорах и сунув перчатки в карман, думал иначе. Он никогда не обещал себе успеха с Лили и даже всегда мысленно повторял, что надежды у него нет, но теперь, когда она и впрямь дала слово другому, когда уже почти что стала чужой женой, отчаяние его было таким же безутешным, как если бы он прежде надеялся по-настоящему. Бедняга так и не посмел сказать Лили о своей любви, но

знал, что она обо всем догадывается, и теперь не смел предстать перед ней в роли незадачливого влюбленного. И еще по пути домой Джонни Имс думал о другой своей любви – думал без удовольствия, с которым, надо полагать, размышляют о своих победах Лотарио и Дон Жуаны. «Наверное, я женюсь на ней, и на этом со мной все будет кончено», – сказал он себе, вспоминая записку, которую написал ей в помрачении ума. У миссис Ропер был скромный праздничный ужин; Амелия и миссис Лупекс приготовили пунш. После ужина Джонни по некоей случайности остался в гостиной наедине с Амелией и, разгоряченный возлияниями, принялся клясться ей в своей страсти. Амелия скорбно покачала головой и убежала наверх, так и не позволив себя обнять. Однако в тот же вечер, еще до того, как Джонни склонил голову на подушку, служанка передала ему записку – отчасти покаянную, отчасти нежную, отчасти суровую: «Если вы поклянетесь, что ваша любовь честна и достойна, я, так и быть, возможно, соглашусь увидеться с вами через дверную щелку и сказать, что вы прощены». Предательский карандаш лежал под рукой, и Джонни написал требуемые слова: «Единственная цель моей жизни – назвать вас моей навеки». Амелия сомневалась, будет ли иметь юридическую силу обязательство, написанное не чернилами, а карандашом. Сомнения были мучительны, тем не менее она сдержала слово – увиделась с Джонни через дверную щелку и простила ему порывистость в гостиной, возможно, щедрее, чем требовалось. «Господи, как же она хороша с распущенными волосами!» – думал Джонни, когда, все еще под действием винных паров, укладывался на подушку. Однако теперь, по пути из Оллингтона в Гестуик, он вспоминал рассыпанные пряди Амелии без прежнего восторга. И он думал о Лили Дейл и прощании с ней накануне своего отъезда в Лондон. «О встрече с вами я буду мечтать сильнее, чем о встрече с кем-либо еще», – сказал он тогда и с тех пор часто думал об этих словах, гадая, поняла ли она их как нечто большее, чем уверения в дружбе. И еще он в мелочах помнил ее платье в тот день. Оно было старое, коричневой шерсти, виденное им уже много раз, и, по правде сказать, особой красотой не отличалось. «Ненавижу это платье!» – еще прежде говорила о нем Лили. Однако для Джонни оно было свято, и он охотно носил бы его лоскуток у сердца как талисман. Как же удивительна эта страсть, о которой мужчины говорят, признаваясь себе, что влюблены. При одном условии она гаже всего на свете, и тогда мужчина уподобляется скоту, при другом – всего прекраснее, и тогда он подобен богу! На этом мы оставим бедного Джонни Имса на пути в Гестуик страдать и от низкой любви, и от благородной.

Лили, идя под руку с женихом по дорожке среди кустов и поминутно заглядывая ему в лицо, увидела дядю и Бернарда.

– Дальше я не пойду, – сказала она, останавливая его. – Дядюшка вечно мучает меня своим старомодным остроумием. И с вами, сэр, я уже на сегодня наговорила. Не забудь заглянуть ко мне завтра до охоты.

И она повернула к дому.

Мы можем заодно узнать, о чем говорили дядюшка и племянник, прогуливаясь по широкой гравийной дорожке позади Большого дома.

– Бернард, – начал старик, – мне бы хотелось, чтобы ты уладил дело между тобой и Белл.

– Есть причина спешить, сэр?

– Да, есть. Вернее, поскольку я ненавижу любую спешку, я бы сказал, что есть причина не мешкать. Однако я не хочу тебя принуждать. Если кухня тебе не нравится, так и скажи.

– Она мне нравится, сэр, только мне думается, в таких делах лучше действовать постепенно. Я вполне разделяю вашу нелюбовь к спешке.

– Времени прошло уже много. Видишь ли, Бернард, я собираюсь пожертвовать в твою пользу значительную часть дохода.

– Я очень признателен.

– Детей у меня нет, так что я всегда смотрел на тебя как на сына. Однако нет причин, отчего дочь брата Филипа не должна быть мне так же дорога, как сын брата Орландо.

– Конечно, сэр. Вернее, дочери.

– Это мое дело, Бернард. Младшая выходит за твоего друга, и, поскольку его доход позволяет содержать жену, думаю, моя невестка должна быть довольна партией. От нее не ждут, что она будет делиться своим небольшим доходом, как было бы, выйди Лили за бедняка.

– Вряд ли она могла бы выделить им много.

– Люди должны следовать обстоятельствам. Я не склонен ставить себя на место родителя для обеих. Ничто этого от меня не требует, я не буду поддерживать ложных надежд. Если бы я знал, что между тобой и Белл все слажено, я был бы доволен тем, как распорядился своими деньгами.

Отсюда Бернард заключил, что ожидания бедного Кросби едва ли оправдаются. Однако он различил также – или думал, что различил, – своего рода предостережение в словах дядюшки. «Я обещал тебе восемьсот фунтов годовых для жизни с женой, – гласило оно. – Однако если ты не примешь мое предложение сейчас же или не дашь понять, что оно будет принято, я вполне могу передумать – тем более что другая моя племянница скоро выходит замуж. Если я дам большое приданое Белл, мне незачем заботиться о Лили. Но если ты откажешься от Белл и состояния, почему бы мне...» – и так далее. Так Бернард истолковал дядюшкины слова.

– Я не хочу дольше откладывать, – сказал Бернард, – и, если желаете, немедленно посватаюсь к Белл.

– Если ты готов, я не вижу причин медлить.

И, условившись обо всем, они приветствовали будущего родственника дружескими улыбками и ласковыми словами.

Глава VII. Начало неприятностей

Лили, прощаясь с милым в саду, велела ему зайти к ней на следующее утро перед охотой, и тот сразу после завтрака послушно явился к дому миссис Дейл в сопровождении Бернарда и двух псов. Мужчины были с ружьями и одеты подобающим образом, однако в сжатые поля за дорогой выбрались только после ланча. И впрямь, разве для влюбленного крокет хуже охоты?

Скажут, что Бернард Дейл не был влюблен, однако эти обвинители будут не правы. Он любил кузину Белл на свой лад и согласно своей натуре. Он не мог любить ее, как Джон Имс любил Лили, однако он не впутался бы и в такие неприятности, в какие бедного клерка из налогового ведомства завлекли чары Амелии Ропер. Джон был, что называется, влюбчив, а капитан Дейл держал чувства в узде. Он не потерял бы голову из-за девицы и не умер бы от разбитого сердца, и тем не менее вполне мог стать любящим мужем и заботливым отцом.

Вся четверка очень сблизилась. Они называли друг друга Бернард, Адольфус (иногда Аполлон), Белл и Лили, и Кросби находил это довольно милым. Ему предстояло вступить в счастливейшую пору жизни, и все же порой на него накатывали приступы холодной меланхолии. Он делал именно то, чего все прежние годы обещал себе не делать. По жизненному плану ему следовало избегать женитьбы, считая ее возможной в единственном случае: если ему встретятся разом знатность, богатство и красота. Поскольку на такую добычу Кросби не рассчитывал, он думал до конца дней царить в «Бофорте» и блистать в «Себрайтсе». А теперь...

По правде сказать, он поддался на серебряный голосок, милое остроумие и пару ярких глаз. Ему очень нравилась Лили, ибо он более своего друга капитана Дейла был наделен способностью любить. Но стоит ли эта девушка таких жертв? Этот вопрос мистер Кросби задавал себе в минуты меланхолии, например, когда утром, проснувшись, лежал в постели, когда брился и порой когда сквайр после обеда делался многоречив. Слушая мистера Дейла, он упрекал себя особенно горько. Почему он, Кросби из «Себрайтса», Кросби из генерального комитета, Кросби, не позволяющий никому, от Чаринг-Кросса до дальнего конца Бейсуотера, навредить на себя скуку, должен слушать бесконечные разглагольствования сельского помещика? Если сквайр собирается быть щедрым к племяннице, то все еще может повернуться неплохо. Однако сквайр пока не выказывал таких намерений, и Кросби злился на себя, что боится задать вопрос.

Так что для нашего Аполлона любовь вовсе не была безоблачной. Ему по-прежнему приятно было играть в крокет или сидеть в гостиной миссис Дейл на правах жениха. Приятно было попить кларет за столом у сквайра, зная, что кофе ему вскоре подаст очаровательная девушка, которая ради этого прибежит через два сада. Подобные нежные заботы очень услаждают, хотя человек, ими окруженный, и чувствует себя ведомым на заклятие тельцом с голубыми ленточками на рогах и на шее. Именно таким жертвенным животным ощущал себя Кросби, тем более что совершенно по-телячьи не смел задать вопрос о приданом будущей жены.

«Я все вытяну из старика сегодня же вечером», – сказал он себе, застегивая щегольские охотничьи гетры.

– Как он в них хорош! – заметила Лили сестре некоторое время спустя, не ведая, о чем думал ее милый, украшая свои ноги.

– Полагаю, мы вернемся той же дорогой, – сказал Кросби, когда после ланча они готовились выйти наконец на охоту.

– Ну, не совсем, – возразил Бернارد. – Мы пойдем в обход фермы Дарвелла и вернемся мимо Груддока. Девушки же все равно обедают сегодня в Большом доме?

Девушки объявили, что не обедают сегодня в Большом доме и вообще не собирались туда идти.

– Значит, раз вам не нужно переодеваться, вы можете встретиться с нами у калитки на скотный двор Груддока, за фермой. Мы там будем ровно в половине шестого.

– То есть мы там будем в половине шестого, а вы заставите нас прождать три четверти часа, – заявила Лили.

Тем не менее они условились встретиться в указанном месте, и дамы согласились вполне охотно. Так ведется эта игра между безыскусными обитателями сельской местности. Слова «калитка на скотный двор Груддока» звучат грубовато для места свидания в романтическом сочинении, но для тех, чье сердце полнится чувствами, она ничуть не хуже дуба на лесной поляне. Сердце Лили Дейл наполнилось чувствами, и сердце Адольфуса Кросби тоже, хотя у него они уже начали жухнуть, как многие лучшие цветы в этой юдоли слез. У Лили они еще не утратили розовой свежести. Да и сердце Бернарда Дейла было полно предстоящей задачей. Все утро он стоял на лужайке очень близко к Белл, и кухня вроде бы слушала его нашептывания безо всякого отвращения. Да и с какой стати ей воротить от него нос? Она счастливица, что к ее юбке пришили восемьсот фунтов годовых!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.